

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНІИ
И
дѣянїи, изъясляющїя свойство
ФРИДРИХА II,
КОРОЛЯ ПРУССКАГО,

Переведенныя съ Нѣмецкаго подлинника
изданнаго въ Берлинѣ сего 1789 года.

Н. П.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
печатаны съ дозволенїя Указнаго у Гска
1789 года.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЦАРЮ

ВЪ СВЯТЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСМЕНИХЪ

СВЯТЫХЪ ПИСМЕНИХЪ

КОРОЛЯ СЛАВЯНЪ

ИЗЪВЕЩЕНІЕ ОДЪ СВЯТЫХЪ ПИСМЕНИХЪ

ОДЪ СВЯТЫХЪ ПИСМЕНИХЪ

М. П.

ПИСЬМО

ОДЪ СВЯТЫХЪ ПИСМЕНИХЪ

ОДЪ СВЯТЫХЪ ПИСМЕНИХЪ

М. П.

Въ одно время на пуши въ городъ Магдебургъ, когда Король Ъхалъ шуда для осмолру шамъ своихъ войскъ, подломилось подъ нимъ вдругъ мѣсто въ дорожной его коляскѣ. Г: фонъ М:, сидѣвшій тогда вмѣсти съ Королемъ, испугался ошъ того чрезвычайно; наипачежъ усугубился онаго спрахъ шѣмъ вяще, что не воображалъ онъ на то время ничего инаго, кромѣ величайшего гнѣва со стороны его Государя; но Король сказалъ ему вмѣсто того съ совершеннымъ равнодушїемъ при семъ случаѣ:
„Любезный мой М: тебѣ никакъ не должно тому дивится; а притомъ и не вѣрить тому также, что я жалѣю будто бы давать на то деньги, чтобъ весь мой дорожный екипажъ былъ всегда въ надлежащемъ порядкѣ. По истиннѣ сказать, я все то даю, что лишъ ни потребу-ютъ отъ меня; но естлибъ я и еще

столько же на то дать вздумалъ, то и тогда не лучшежъ бы сего было, думаю; потому что нынѣ обманываютъ меня со всѣхъ сторонъ., Между тѣмъ мѣсто сіе было поспѣшъ исправлено, и Король, сѣвши паки въ коляску, продолжалъ путешествіе свое далѣе, не сказавъ при томъ своимъ людямъ ни единого за то гнѣвнаго слова, хотя и заслуживала такая неосторожность оныхъ великаго наказанія.

Нѣкогда при осмотрѣ войскъ, стоявшихъ въ Магдебургѣ, подано было Королю великое множество письменныхъ прошеній, содержавшихъ въ себѣ разныя жалобы на все тамошнее Правительство; чего ради приказано было поспѣшъ главному онаго начальнику, Предсѣдателю А: явиться немедленно въ главную Королевскую кварширу. По прибытіи его туда, положено было поспѣшъ о немъ Королю. „Кто ты таковъ, спросилъ у него Фридрихъ, увидя лишь его вошедшего

кѣ нему въ покой? — „Я Предсѣдатель А:, отвѣчалъ на то оный. Вашему Величеству угодно было потребовать меня сюда., — „Да, такъ, перебилъ, поспѣшно Король слова его. Такъ ты то самый тотъ А:! Не родня ли ты Генералу фонъ А:, продолжалъ спрашивать у него Государь? — „Такъ почно, Ваше Величество, отвѣчалъ Предсѣдатель; онъ мнѣ братъ., — „Это не худо, сказалъ потомъ Король; онъ предобрый и преисправный человекъ. Но скажи мнѣ между тѣмъ, пожалуй, отъ чего бы происходило то, что столь много на тебя и на все кулно правленіе доходитъ до меня нынѣ жалобъ? Вонъ, посмотри лишь туда, показавъ при томъ на столъ, на которомъ лежали всѣ шѣ бумаги; это все однѣ только челобиты, которыя подали мнѣ разные люди., — „Ваше Величество, отвѣщствовалъ на то Предсѣдатель тошъ, подданные Ваши стали нынѣ крайнѣ безпокойны; они жалуются часто безъ всякой даже причины. Чтожъ до меня принадлежитъ, то смѣю донести Вашему Величеству, что

я ни тѣломъ ни душою не врежу никого вовсе; а стараюсь еще напрошивъ того всячески всѣхъ подчиненныхъ мнѣ приказныхъ служителей по мѣрѣ моихъ силъ удерживать отъ всякаго приспрасія и удобовозможнаго къ тому повода., По окончаніи сихъ словъ, приказалъ Король Предсѣдателю сему, чѣмъ онъ, взявъ со стола одно изъ тѣхъ прошеній, прочиталъ предъ нимъ, и далъ бы ему въ томъ немедленно общоятельнѣйшій отчепъ. Къ несчастію попалась внезапно на томъ случай сему человѣку въ руки такая бумага, которая преисполнена была разными жалобами на самого сего Предсѣдателя А:; онъ не преминулъ однакожъ защищать себя предъ лицомъ Монарха поспудова, покамѣстѣ Король, перебивъ его речъ, не сказалъ ему слѣдующаго: „Телерь признаю я тебя справедливымъ человѣкомъ; ты таковъ же, какъ и твой братъ, вижу я: пожалуй возьми всѣ сіи бумаги съ собою, и потщишься какъ возможно удовлетворить по онымъ всѣхъ просителей.,

Итакъ , Предсѣдатель сей пошелъ тогда отъ Короля домой съ весьма веселымъ духомъ , по елику не воображалъ онъ болѣе ничего иного , какъ шокмо то , что Король отставивъ его совсемъ отъ службы. Но единое лишь впечатлѣнiе онаго имени произвело уже въ Королѣ съ самаго начала его съ нимъ разговора весьма выгоднѣйшее для него на томъ случай дѣйствiе : ибо Государь сей уступалъ не рѣдко силѣ внушенiя , которую производили въ немъ единыя шокмо имена; либо судилъ обыкновенно о людяхъ соразмѣрно тому , кого какъ зналъ онъ изъ оныхъ фамилiй , то есть , съ хорошей ли , или съ дурной стороны тому бытъ случалось.

По причинѣ многихъ различныхъ жителямъ прилѣсненiй , принесена была нѣкогда Королю на земскаго Судiю фонъ Б. , жившего въ западной части Пруссiи , жалоба ; и когда случилось Королю попомъ съ онымъ нечаянно встрѣпитися , то Фридрихъ , остановя его шокчасъ , началъ говорить съ нимъ

слѣдующимъ образомъ: „А! Такъ ты
 то тотъ самый земскій Судья, кото-
 рый, притѣсня разными образами себѣ
 подвластныхъ, велишь имъ между про-
 чимъ возить къ себѣ, для своего дома-
 шняго строенія, дрова даже и по Во-
 скреснымъ днямъ: „ — Послѣ того
 поѣхалъ Король далѣе, а Судья сей
 долженъ былъ между тѣмъ ѣхать
 верхомъ подлѣ самой Королевской ка-
 реты. — „Скажи мнѣ, пожалуй, про-
 должалъ паки вопрошать его Король,
 сколько всѣхъ душъ въ твоей округѣ,
 и сколь велико тамъ скотоводство? „
 Судья сей объявилъ Королю при семъ
 случаѣ несравненно болѣе предъ тѣмъ
 число душъ, нежели онъ прежде о
 томъ показывалъ; а Король покачалъ
 лишь на то головою своею. Между
 тѣмъ, во время перепряжки лошадей на
 подставѣ, примѣшилъ Король въ нѣко-
 торомъ отступѣ разстояніи небольшую
 полѣнницу мѣлкихъ рубленныхъ дровъ;
 чего ради спросилъ онъ топчасъ паки у
 сего человѣка, чѣмъ то за дрова были
 тамъ? Оный, не зная того обстоятель-

но, отвѣчалъ на то Королю въ скорости, что тамъ растешъ хмѣль. — „Что, вскричалъ потомъ Король съ сердцемъ! Это, говоришь ты, хмѣль будто бы; а не олешнякъ развѣ? Нѣтъ, нѣтъ, ты уже итакъ меня довольно много обманывалъ, дружокъ; пора мнѣ проучить тебя нѣсколько..“ И подлинно сказалъ тогда Король сущую правду, что то былъ олешнякъ. Въ разсужденіи чего не преминулъ Король, по прибытіи своемъ въ Потсдамъ, отспавить сего земскаго Судію отъ его должности, опредѣля на онаго мѣсто другаго, весьма исправнаго человѣка.

Въ 1781мъ году пожаловалъ Король прихожанамъ въ Лобхенъ для построй-ки онымъ церквы штысячу Талеровъ, коихъ однакожъ не получили они въ то самое время. Спустя потомъ нѣсколько времени, когда Королю случилось въ 1782мъ году ѣхать въ Граудницъ, для осмошру стоявшихъ тамъ войскъ, подступилъ къ нему въ самую

шу минушу, когда онѣ спалѣ уже са-
 дился въ коляску, прихода того Свя-
 щенникѣ съ прозьбою, дабы онѣ сои-
 зволилѣ приказатѣ выдатѣ обѣщанные
 имѣ, прихожанамѣ того мѣста, тысячу
 Талеровѣ. „Когда я обѣщалѣ вамѣ то,
 вскричалѣ благимѣ мапомѣ Король,
 остановясь между шѣмѣ одною ногою
 на подножкѣ у коляски? Священникѣ
 вышацилѣ потчасѣ изѣ своего кармана
 подписанное Королевскою рукою на то
 опредѣленіе, и поднесши оное къ са-
 мымѣ Королевскимѣ глазамѣ, сказалѣ
 припомѣ: „Вопѣ здѣсь, здѣсь, Ваше
 Величествѣ.,, Послѣ сихѣ словѣ при-
 нялѣ на себя Король обыкновенный
 спокойный свой видѣ, и сказалѣ между
 шѣмѣ оному Священнику: „Пожалуйте
 же потерлите еще нѣсколько, дѣти мои,
 говорилѣ онѣ: казна моя поистощилась
 телерь, право, съ лишкомѣ; у меня и
 безѣ того великѣ нынѣ расходѣ на по-
 правленіе причиненнаго разлитіемѣ Вис-
 лы рѣки убытка; но вы получите то од-
 накожѣ, о чемѣ просите меня телерь.,,
 Что самое и послѣдовало дѣйствитель-

но вскорѣ: ибо, по нѣсколькихъ мѣсяцахъ не забылъ Король подлинно приказать выдать изъ своей казны симъ прихожанамъ обѣщанную имъ шу тысячу Талеровъ.

Король, будучи нѣкогда одинъ въ своемъ кабинетѣ, позвонилъ между прочимъ въ звонокъ, желая, по видимому, приказать нѣчто исполнить дежурному тогда Камеръ-лакѣю; но какъ на позывъ сей никто не появлялся къ нему въ то время, то вышелъ онъ того изъ терпѣнія, вышелъ онъ поспѣшнѣе въ передній покой, гдѣ непременно должны были быть прочіе служащіе при его комнахахъ люди, однакожъ и тамъ не нашелъ онъ никого даже. Король не оставилъ идти еще далѣе, покаместъ не дошелъ онъ до перваго часоваго: „*Поди*, сказалъ ему Король, *приведи ко мнѣ кого ни есть сюда изъ лакеевъ, моихъ лакѣевъ.*„ — „Нѣтъ, Ваше Величество, сказалъ на то солдатъ тотъ, отдавъ припомъ

Королю ружьемъ своимъ честь ; я никакъ не могу исполнить теперъ сего приказанія , пошому чшо я спою на часахъ. Но естли угодно Вашему Величеству меня на то время смѣнить съ часовъ, при семъ словѣ сдѣлалъ онъ ружьемъ своимъ подъ высь, по я побѣгу потчасъ искашь , кого Вы изволише спрашивашъ?,, Король взялъ у него потомъ ружье , и поспавивъ его подлѣ себя , остался на томъ мѣстѣ потудова , покамѣстѣ не возвратилъся шуда назадъ потъ солдатъ , которому отдалъ онъ паки его ружье. „Ты , подлинно , исправный солдатъ, сказалъ ему при томъ Король ; видно, что знаешь ты хорошо службу.,. Послѣ того не преминулъ сей Государь наградить его за то щедро.

Король , возвращаючись нѣкогда съ развода въ свои покои , увидѣлъ тамъ потчасъ одно прекраснѣйшее висячее паникадило , коему онъ , въ разсужденіи его драгоцѣнности и великаго ис-

куства въ работѣ, не ставилъ даже
цѣны вовсе, разбитымъ на мѣлкіе ку-
ски и размешаннымъ по полу; и какъ
никто изъ бывшихъ тамъ людей не
хотѣлъ въ томъ признасться, кто былъ
тому причиною, то Король, прогнѣ-
вавшись за то крайнѣ, приказалъ тош-
часъ собрать всѣхъ своихъ Камеръ-
лакѣевъ предъ себя, дабы изслѣдовавъ
то немедленно со всѣми обстоятель-
ствами. По многимъ имъ опъ Короля
учиненнымъ вопросамъ, выступилъ на-
конецъ одинъ изъ всѣхъ предъ лице Мо-
нарха: „Ваше Величество, сказалъ онъ
Королю, признаюсь въ томъ, что я тошъ
самый злощасный, но полно я не при-
чиною тому., — „Какимъ же обра-
зомъ пособило тебѣ нелегкое налаго-
ститъ такъ, спросилъ у него Король
съ сердцемъ? — „Ставя свѣчи въ шан-
дальцы, продолжалъ говорить виноват-
ный сей, поворошилъ я раза съ два
кругомъ оное паникадило; а какъ на
спрошивъ его висѣло на стѣнѣ зер-
кало, и я позазѣвался нѣсколько въ

оное, шо между шѣмъ вырвалась у меня изъ рукъ веревка, на которой сіе паникадило было повѣшено, и оно упало такимъ образомъ на полъ. Бѣда сія, Ваше Величество, сдѣлала меня, по истиннѣ сказать, совершенно полумершвымъ на шо время., — „Последнее изъ сего, шалунъ, есть сущая ложь, сказалъ ему на шо Король, пошедъ попомъ самъ съ веселымъ лицомъ въ свой покой.

Во время семилѣтней войны, велѣлъ нѣкогда Король разбить свой лагерь на спрошивъ самыхъ своихъ непріятелей; и какъ не безъ основанія чаялъ онъ въ шу ночь бытъ отъ непріятели своего атакованъ, шо приказалъ, чѣмъ все его войско, хотя не въ спрѣю, но во всякой бы одинакожъ гошовности было непрѣмѣнно. — „Нѣтъ ли изъ васъ кого, гранадеры, спросилъ Король у солдатъ, когда уже стало становитъсѣ гораздо поздно, ктобъ могъ мнѣ рассказывать кой что,

чтобъ не заснуть лишъ мнѣ теперь?., —
 „Я исполню то охотно, Ваше Величе-
 сство, сказалъ на то Королю одинъ изъ
 гранадеръ, выскоча изъ самой середины
 оныхъ. Послѣ того началъ солдатъ
 потѣ рассказывать скаску о разныхъ
 волшебникахъ съ собственными его
 прибавленіями и прикрасами. Король,
 слушая все то спокойно, смѣялся мно-
 гому изъ всѣхъ онаго рассказовъ. Но на-
 конецъ, заболтался расказчикъ сей
 до того, что забывшись, невзначай
 примолвилъ въ нѣкопоромъ мѣстѣ
 простиранной своей повѣсти, кое по
 мнѣнію его могло произвести великое
 сомнѣніе въ вѣроятности: „Будь потѣ
 шельма, кто сему не повѣритъ толь-
 ко!., — „Вѣрю, вѣрю тому охотно,
 вскричалъ на то Король; только, пожа-
 луй, перестань лишъ говорить; я уже
 не хочу болѣе ничего отъ тебя слушать.„

Въ 1761 мѣ году, когда все Прусское
 войско стояло неподалеку отъ города
 Швейдница станомъ, то Король сдѣлалъ

привычку обыкновенно прохаживался по вечерамъ вмѣстѣ съ Маркграфомъ Карломъ вдоль по лагерю. Идучи такимъ образомъ однимъ вечеромъ мимо палатокъ своихъ Лейбгвардіонцевъ, примѣшилъ онъ вдругъ, что изъ одной спавки выходилъ густой дымъ. Король, приподнявъ у оной полу, и увидя тамъ одного Гвардіонца, упражнявшагося усердно около полевого копла, въ кошоромъ варилъ онъ для себя похлебку съ клецками. „Вотъ презрѣдныя клецки, сказалъ тогда Король. Лейбгвардіонецъ сей, не оборачиваясь назадъ, щипая, что то былъ нѣкто изъ его товарищей, опившисъ похвалялся на то слѣдующимъ образомъ: „Эти клецки не навязнущь, право, у тебя въ зубахъ. „ Король, отступя пошомъ потчасъ назадъ, сказалъ пришомъ громко смѣясь Маркграфу: „Тутъ, братъ, не для чего остаются намъ севодни ужинать, какъ слышу я; а надобно, видно, искать счастья гдѣ ни есть далѣе. „

Во время сраженія при Лейптенѣ опрубили у одного драгунскаго Уншеръ-офицера лѣвую руку и съ поводомъ вмѣсти. Онаго лошадь, которой править онъ уже не въ силахъ былъ болѣе, бросилась съ нимъ съ мѣста сраженія, и примчала его прямо предъ Короля, въ то самое время, когда онъ ѣхалъ съ праваго крыла къ срединѣ Фронса, дабы сдѣлать тамъ надлежащія всему распоряженія. Король, увидя лишь только сего шажко раненаго, сказалъ ему съ видомъ крайняго своего о немъ соболѣзнованія: „Другъ мой, скажи мнѣ, пожалуй, каково тебѣ?“, — „Всебы было очень изрядно, отвѣчалъ на то Уншеръ-офицеръ тотъ, шолько мнѣ лишь одному не то то что ловко, Ваше Величество, пошому что я лишился руки., — Послѣ того приказалъ Король тотчасъ одному полковому цырюльнику, случившемуся на то время по близости отъ того мѣста, перевязать сему человѣку наилучшимъ образомъ руку; а между тѣмъ, обернувшись паки къ сему

изувѣченному, сказалъ ему слѣдующее, что изъ онаго памяти не испребилось по самую даже смерть его: „Другъ мой, полекись, пожалуй, лучше о своемъ здоровье; сколь же скоро будетъ тебѣ полегче, то явись прямо ко мнѣ.,, Уншеръ-офицеръ сей выздоровѣлъ подлинно вскорѣ, и не преминулъ тогда же явившись къ Королю въ Бреславль. Онъ былъ тотчасъ допущенъ предъ лице Монарха, копорый, разговаривая съ нимъ нѣсколько времени весьма милоспиво, и одаря онаго щедрою рукою, написалъ самъ своеручно изъ своего Кабинета повелѣнїе помѣстити сего человѣка на первую имѣющуюся открытсѣ выгодную для него ваканцію, что и послѣдовало весьма скоро.

Король наѣхалъ нечаянно нѣкогда на нѣкопорую толпу гусаръ полка Цитенова, копорый съ оными не за-долго предъ тѣмъ, напавъ на сильную партію непріятельской тяжелой конницы, оказалъ себя съ ними купно ве-

сьма мужественнымъ образомъ. „Гей вы, гусары, сказалъ имъ Король при семъ случаѣ; какъ отъѣжились вы на ласть на тяжелую непріятельскую конницу, которая съ головы до ногъ покрыта вся сплошъ желѣзомъ?, — „О! Ваше Величество, отвѣчалъ на то одинъ изъ нихъ за всѣхъ; мы рубимъ ихъ на отъмахъ прямо по усамъ и по рылу.,,

Въ самый томъ же еще день подъ вечеръ прибылъ между тѣмъ Король въ нѣкоторую деревню, гдѣ хотѣлъ онъ непремѣнно имѣть ночлегъ. Чего ради, остановясь тамъ у одного небольшого прекраснаго съ виду домика, спросилъ онъ у стоявшаго предъ дверями онаго человѣка: „Могу ли я, дружокъ, переночевать здѣсь?, — „Нѣтъ, сказалъ ему человѣкъ томъ въ отъвѣтъ весьма грубо; по тому что въ наличныхъ покояхъ здѣсь живетъ Господинъ Маркграфъ Карлъ, а назади самъ хозяинъ; тамъ же, указывая на другое строеніе, нѣтъ и половъ даже., — „Ну такъ инѣ сыщется, можетъ быть, и еще кто ни есть изъ крестьянъ въ

сей деревнѣ, сказалъ на то Король съ
холоднымъ духомъ, которой влуститъ
меня къ себѣ въ домъ., Съ сими са-
мыми словами побѣхалъ онъ опшуда
далѣе.

Когда все Прусское войско стояло
въ 1761 мѣ году въ Августѣ мѣсяцѣ
подъ Швейдницею, то постановлены
были между прочимъ въ такъ назы-
ваемой Монахининой рощѣ пѣшіе еге-
ри на караулѣ, кои подвержены были
всегдашнимъ почти нападеніямъ отъ
непріятельскихъ обѣздовъ до того,
что часто доходило у нихъ дѣло до
междоусобной ссоры. При одной изъ та-
ковыхъ схватокъ, получилъ одинъ изъ
сихъ егерей въ лѣвую руку рану; слу-
чай сей раздражилъ сего человѣка столь
сильно, что онъ изъ злобы спрятался
нарочно въ глубокую яму, гдѣ сидя,
хотѣлъ онъ удобнѣе подсперечь сво-
его непріятеля, и убить его нечаян-
но. Между тѣмъ Король, возвращаясь
однѣмъ упромъ вмѣстѣ съ Маркгра-

Фомъ Карломъ съ рекогносцированія
 назадъ, наѣхалъ на самого сего егеря,
 который онъ великой усталости за-
 снулъ на шу пору въ ямѣ. Онъ ве-
 лѣлъ потчасъ его разбудишь, и спро-
 силъ онаго, почто избралъ онъ для
 своего покоя столь опасное мѣсто?
 Егерь сей рассказалъ потомъ Королю
 всѣ обстоятельства онъ слова до сло-
 ва, и признался при томъ чистосердеч-
 но, что онъ, лежа тамъ, сперегъ всяче-
 ски своего непріятеля, дабы онмспилъ
 ему шѣмъ лучше. „Фу, стыдись, ска-
 залъ ему на то Король съ великимъ
 неудовольствіемъ; развѣ ты хочешь
 быть разбойникомъ, который обыкно-
 венно старается подстерегать прохо-
 жихъ людей въ глухихъ мѣстахъ? По-
 ступай лучше во всемъ откровенно, такъ
 какъ прилично всегда доброму Пруса-
 ку и исправному солдату, тогда по-
 хвалю и я тебя, другъ мой; а не то
 убирайся отсюда тотчасъ.,“

Во время Торгавской бапаліи, подвержены были наипаче бѣдствію бывшіе тогда на правомъ крылѣ Конногвардейцы; по елику обращали они на себя прямо весь почти огонь съ нѣкоторой непріятельской бапареи, такъ что отъ cadaго съ оной выстрѣла, падало изъ нихъ по нѣскольку чело-вѣкѣ. Король, видя все сіе нещастіе, хоша и жалѣлъ о томъ крайнѣ; но не въ силахъ былъ отворачишь на то время сего ужаснаго для подданныхъ его вреда. Между тѣмъ однакожъ не преминулъ онъ прискакать благимъ махомъ шуда же, и ѣздя верхомъ взадъ и впередъ передъ фронтомъ, увѣщавалъ солдатъ своихъ съ наинеустрашимѣйшимъ при томъ видомъ: „Любезныя дѣти, говорилъ онъ имъ, потерлите еще нѣсколько только минутъ все перемѣнится уже весьма скоро.“ Въ самое сіе время пролетѣло близъ самаго Короля ядро, и оторвало у флигельмана четвертаго взвода вѣснората эскадрона голову, такъ что съ оной шляпа полетѣла на воздухъ. Другій, находив-

шійся подлѣ онаго, вскричалъ топчасъ Королю: „Ваше Величество, Бога ради поберегите себя; окажите всѣмъ намъ эту милость: лучше останся Вамъ въ живыхъ, нежели намъ., — „*Любезный мой другъ*, сказалъ ему на то Король, погляды на него съ весьма пріятнымъ лицомъ, за твои здравыя мысли и добрыя намѣреніи, благодарю я тебя, и увѣряю притомъ, что я тебя не забуду... Выговоря сіе, едва лишь Король отбѣхалъ отпуда прочь, то попало и въ онаго шакже ядро, шакъ что онъ шужь минушу палъ мершвымъ на мѣстѣ. Ишакъ, естѣли дивимся мы сему Государю, копорый заслуживаетъ, по истиннѣ, толикаго отъ всѣхъ удивленія и шоль здравыхъ о себѣ мыслей, то должны мы умѣть не менѣе шакже цѣнить и шотъ самый народъ, въ копоромъ находятся онѣ въ шоль великомъ количествѣ, и между коимъ нешолько знатнѣйшая, но и самая непросвѣщеннѣйшая даже часъ людей мыслитъ и чувствуетъ шоль благородно и шоль высоко.

На дорогѣ въ Потсдамѣ встрѣтилъ
 иѣкогда Короля, ѣхавшего верхомъ съ
 ученья, одинъ старикъ, который спалъ
 у него между прочимъ просить ми-
 лостыни. Глубокая старость, впечат-
 лѣнная ясно на всемъ образѣ сего пре-
 спарѣлаго мужа, обратила на себя все
 вниманіе Короля при семъ случаѣ, ко-
 торый потчасъ спросилъ его, какъ
 его зовутъ, и сколь онъ старъ? „Я
 называюсь *Шмитомъ*, отвѣчалъ ему
 на то старикъ потъ, и живу уже,
 Государь, на свѣтѣ 83 й годъ., — „*Это
 не можетъ быть*, сказалъ ему Король!
*Ты еще ходишь довольно бодро. Скажи
 мнѣ, откуда ты?*, — „Изъ Лауенбур-
 га, что въ Саксоніи, отвѣчалъ ста-
 рикъ. — „*Чтожъ принудило тебя про-
 сить милостыни*, продолжалъ спраши-
 вать у него Король — „Потому что
 во время семилѣтней войны лишился
 я всего моего имѣнія, отвѣчалъ на то
Шмитъ. Послѣ сего приказалъ Король
 потчасъ одному изъ своихъ Адъютан-
 товъ дать ему десять Талеровъ, а
 самъ поѣхалъ отъ него далѣе. По при-

бышїи же Королевскомъ въ Сан-суси, приказано было немедлѣнно писать о томъ въ Лауенбургъ, подлинно ли справедливо было во всемъ показаніе того спарика. При подтвержденіи опшуда всего онымъ сказаннаго Королю, приложено было и самое даже свидѣтельство крестнаго опца, кое утверждало между прочимъ, что сей самый спарикъ былъ еще однимъ годомъ спарѣ, нежели онъ самъ сказывалъ себѣ лѣтъ отъ роду. Чего ради приказалъ Король принять его въ Потсдамскій сиропитательный домъ, опредѣляя оному сверхъ того, для особаго его содержания, по пяти Талеровъ въ мѣсяцъ.

Нѣкто изъ мастеровъ игольнаго искусства, по имени *Фогель* изъ Потсдама, будучи въ одно время съ ярмонки, везъ шуда для своей жены шридашь два аршина шпофу на плашье; но какъ при осмотрѣ его на заставѣ у городскихъ воротъ найдена была у него сія матерія и взята, куда слѣ-

дуетъ, то и судъ надъ нимъ произведенъ былъ тогда же, по рѣшенію коего приговорено было, или заплатишь ему въ казну три тысячи Талеровъ штрафа, либо просидѣть цѣлыя шесть лѣтъ сряду въ Спандѣ; по елику же перваго исполнишь онъ никакъ былъ не въ силахъ, то послѣдовало съ нимъ немедленно послѣднее. Жена самаго сего маспера не знала впрощемъ, при столь превосходи́йшемъ ея несчастіи, взявъ иныя какія для пользы своей мѣры, окромѣ того, какъ только прибѣгнувъ прямо къ лицу самаго Короля, который, по щастію ея, не отворачалъ никогда своего слуха отъ приносимыхъ ему жалобъ, къ вспоможенію къмъ либо припѣсенныхъ. Чего ради, взявъ съ собою двоихъ своихъ дѣтей, а претѣмъ будучи давно уже брюхатою, пошла она съ ними, во упованіи на Бога и на милосердіе великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, прямо въ Сан-суси. По прибытіи ея туда, заснула она Короля, прогуливавшагося въ самое то время по саду, котораго

увидѣла она вскорѣ въ большой аллѣе. Король, примѣпя ее потчасъ, подошелъ къ ней ближе, и спросилъ ее весьма благосклонно, чего она отъ него хочеть? Женщина сія не преминула рассказать ему все свое злополучіе весьма живо въ короткихъ словахъ. — „Но вѣтъ вы знаете то, сказалъ ей потомъ Король, что вамъ не слѣдуетъ торговать заловѣдными товарами., — „Ахъ! Ваше Величество, мы и не думали даже торговать шѣмъ, отвѣчала на то просительница: мужъ мой везъ было матерію сію съ собою, изъ любви его ко мнѣ, мнѣ на платье, пошому что въ томъ мѣстѣ все несравненно дешевле здѣшняго; но теперь лишилась я, бѣдная, вмѣсто того моего мужа, а эти сироты своего отца; такъ что всѣ мы не имѣемъ почти насущнаго хлѣба., — „Успокойся, пожалуй, сказалъ ей на то Король; ты получишь олятъ назадъ своего мужа., — „Но я не въ силахъ, Ваше Величество, ни внести опредѣленныхъ судомъ денегъ, ни заплащать даже пошлины за

эпошѣ штофѣ, отвѣстствовала ему сїя женщина. — „Отъ штрафныхъ денегъ, сказалъ ей Король, ты будешь свободна; а пошлина за эту вещь останется на моемъ уже отчетѣ., — „Но куда же дѣнется мой штофъ, Милосердый Государь, продолжала говорить сїя чело-
 битчица; его должна я, по видимо-
 му, вовсе лишиться, которой стоилъ бѣдному моему мужу столь дорого, и чемъ думалъ было онъ пуще всего утѣшить меня несчастную., — „Ну, сказалъ ей на то Король, когда и эта вещь мила тебѣ столь же много, какъ твой мужъ, то и то пусть исполнится по твоему жъ желанію; явись лишъ толь-
 ко къ таможенному Директору Егер-
 ланду., По окончаніи сего разговора, приказалъ Король въ тошѣ же еще день исполнить все обѣщанное имъ сей самой женщиной во всякой точности.

При учрежденіи въ Пруссіи совсемъ
 особаго Правленія надъ Государствен-
 ными доходами, опредѣлены были ме-

жду пропчимъ въ оное присудствовавшему шамъ нѣкопорому преспарѣлому весьма доброму и прилѣжному къ трудамъ человѣку, исправлявшему двѣ разныя должности, въ помощь два Контролера изъ молсдыхъ людей, кои оба, будучи сильно о себѣ надушы, досаждали всячески спарому ихъ Начальнику повседневными своими надъ нимъ разными насмѣшками. Но онъ, не смопря ни на что, шелъ все прямымъ путемъ по спаринѣ спепенно пошудова, покамѣстѣ оба сѣи французскіе въпреники не довели его наконецъ до того, что онъ, не могши болѣе сносить всѣхъ ихъ крайнихъ обидъ, принужденъ былъ прибѣгнуть въ томъ прямо къ личной Королевской помощи; пошому что *л' Онай* держалъ прошивъ его спорону своихъ единоземцевъ: онъ описалъ Королю обстоятельно всѣ прешерпѣнныя имъ отъ нихъ различныя досады, и просилъ Его Величество, дабы онъ изволилъ приказать освѣдомишся у прежнихъ онаго Начальниковъ какъ о всег-

дашнемъ его поведеніи, такъ и о службѣ, и пошомъ указалъ бы рѣшить его дѣло сообразно съ опъзывами ошомъ. Все сіе исполнено было по его желанію и Король, получа весьма выгодное для него опъ всѣхъ о немъ удосповѣреніе, написалъ пошомъ къ л' Онаю слѣдующаго содержанія письмо:

„Любезнѣйшій мой Тайный Совѣтникъ гослодинъ фонъ л' Онай. По дѣлу Г: дошелъ уже я нынѣ во всемъ до обстоятельнаго свѣденія; и нахожу его весьма добрымъ и исправнымъ человекомъ. Чего ради повелѣваю Вамъ унять обѣихъ, опредѣленныхъ ему въ помощъ, Контролеровъ А: и Б:; въ противномъ же тому случаѣ, велю я ихъ обѣихъ выгнать оттуда, яко несносныхъ досадчиковъ.,,

Фридрихъ.

Въ Потсдамѣ 30 Апрѣля

1769 года.

Нѣкошорый гусарскаго полка Полковникъ, кошорый, по причинѣ полученныхъ имъ тяжкихъ ранъ, принужденъ былъ наконецъ искашь увольненія себѣ отъ службы, просилъ между прочимъ Короля о помощи, въ поправленіи вѣсхаго его дома; пошому что самъ онъ, по своей бѣдности, исполнить того былъ не въ силахъ. На оное отвѣчалъ ему Король слѣдующимъ образомъ:

„Въ той самой улицѣ гдѣ ты живешъ, любезный мой Полковникъ, строить я никакъ не могу; но я знаю между тѣмъ, и помню то довольно, чемъ я долженъ тебѣ, и чемъ обязанъ я твоей всегда вѣрной ко мнѣ службѣ. Слѣдственно, во исполненіе всего того, прелровождаю я при семъ къ Вамъ 6000 Талеровъ золотомъ, дабы могъ ты всѣ свои затѣи произвести тѣмъ удобнѣе въ дѣйство, по собственному твоему желанію; а притомъ, чтобъ и увѣрить Васъ тѣмъ болѣе, что я всегда есмь и буду твоимъ,

Фридрихъ.,

Маркизъ де ла Файеттѣ прибѣхалъ нѣкогда къ Королю въ Потсдамъ съ своимъ почтеніемъ. Разговоръ между Государемъ и имъ палъ въ то самое время между прошчимъ и на ученые предмѣты; въ продолженіе же онаго спросилъ Король у Маркиза къ рѣчи: „Отъ чего бы происходило то, любезный Маркизъ, сказалъ Король, что во Франціи столь много бываетъ великихъ людей; а въ Нѣмецкой землѣ напротивъ того ихъ столь мало?“, — „Государь, отвѣчалъ ему на то Маркизъ, это происходитъ отъ того конечно, что Творецъ міра испощилъ здѣсь все на одного лишъ только человѣка, то есть, на Ваше Величество.,,

При осмотрѣ нѣкогда въ Помераніи войскъ покусилась одна молодая весьма изъ себя пригожая дѣвка, канонерская дочь, подать самому Королю письменное прошеніе, которымъ просила она его убѣдительнобѣйшимъ образомъ помочь ей выдти за мужъ за своего

любовника, коего родили прошиви-
лись шому всячески, по причинѣ ея
бѣдности шокмо. Король приказалъ
шопчасъ сыскать самаго сего любов-
ника ея, и увидѣвъ онаго, спросилъ
его немедленно: „Хочешъ ли ты же-
ниться на этой дѣвкѣ?“, — „Отъ ис-
кренняго моего сердца, Государь, вскри-
чалъ сей молодой человѣкъ въ край-
немъ восхищеніи, бросившись между
шѣмъ самъ къ Королевскимъ ногамъ.
Король, посмѣясь надъ ними нѣсколько
при семъ случаѣ, опустилъ потомъ
ихъ обѣихъ отъ себя, запретивъ при-
шомъ не говорить о шомъ ни слова
ихъ родителямъ. Вскорѣ послѣ того
приказано было жениху ошцу и ма-
шери, кои были весьма досташочны,
явиться во Дворецъ вмѣстѣ и съ ихъ
сыномъ. дѣвка же на должна была до-
жидать оныхъ между шѣмъ въ бли-
жайшемъ отъ шого покоѣ. Во испол-
неніе Королевскаго повелѣнія не пре-
минули оба шѣ спарики явиться въ на-
значенное имъ мѣсто, въ крайнемъ бу-
дучи недоумѣніи, потому что не зна-

ли они того вовсе, за чемъ были туда поспребованы. Сколь скоро доложено лишъ было о нихъ Королю, то потъ же часъ приказано было предспахъ имъ предъ лице Монарха. „Ты ли здѣшній пекаръ и твоя ли это жена, спросилъ у него Король? — „Такъ потчно, Ваше Величество, отвѣчалъ на то оный. — „Послушай же, пожалуй, продолжалъ говоритъ ему Король; я хочу женить твоего сына на молодой, на пригожей и на богатой дѣвкѣ; будешъ ли ты тѣмъ доволенъ?,, — „Безъ всякаго сомнѣнїя, Ваше Величество, сказалъ на то спарикъ. Послѣ сихъ словъ кликнулъ Король къ себѣ и ту дѣвку, которая въ пужь минушу явилась предъ нимъ. — „Ахъ! Нѣтъ, нѣтъ, Ваше Величество, вскричалъ пекаръ сей благимъ мапомъ, увидя лишъ ее вошедшею; она не имѣетъ за собою ни синего пороха, такъ что съ нею околѣетъ мой сынъ съ голоду.,, — Король, не давъ на то никакого отвѣта, и обращая потчасъ къ Герцогу Бевернскому, началъ говоритъ съ онымъ. „Сколько бишь оста-

лось еще Вашей Свѣтлости долатить этой дѣвкѣ долеу ея на Васѣ, спросилъ у него Король? — „2000 Талеровъ, Ваше Величество, ошвѣчалъ на то Герцогъ. — „А Вамъ, спросилъ Король у Князя Морица Ангальта? — „Тожъ 2000 Талеровъ, ошвѣчалъ оный. — „Ну, другъ мой, продолжалъ говорить Король, обращаясь къ старику, видишь ли ты телерь, что эта дѣвка, не такъ еще бѣдна, какъ ты думаешь? На мнѣ Также ее денегъ 4000 Талеровъ, съ которыми составитъ всего ея капитала 8000 Талеровъ; а Генералъ Тресковъ постарается сыграть ее свадьбу. Итакъ телерь, я чаю, не чемъ вамъ болѣе порочить эту невѣсту, толь достойную для вашего сына. „ Поокончаніи сихъ словъ женихъ и невѣста кинулись опромешью Королю въ ноги, чему послѣдовали немедленно и старики также, и изъявили тогда купно всѣ достопочтенному ихъ благодѣшелю сердечную свою благодарность едиными шокмо ручьями слезъ.

Предъ самымъ почти концемъ семилѣтней войны, случилось иѣкогда Королю, ѣхавши мимо фронша гусарскаго полка Генерала *Цитена*, увидѣвъ одного гусара, у котораго лицо изсѣчено было страшнымъ образомъ шакъчно все оное сплошъ покрыто было разными рубцами. „Вѣ которомъ, *Дружокъ*, шинкѣ улотчивали тебя такъ ловко, спросилъ у него Король съ насмѣшкою? — „Подъ Коллиномъ, ошвѣчалъ ему на то гусаръ шомъ, гдѣ Вашему Величеству доспалось заплашишь одному за всю ту пирушку., — „Браво, браво, вскричалъ поспѣшно Король съ пріятною улыбкою; здравствуй Господинъ Офицеръ., — „Съ нарядомъ, или безъ онаго, спросилъ шомчасъ гусаръ вѣ слѣдъ у Короля, который поѣхалъ было уже ошъ него прочъ шогда? — „Вѣ нарядѣ, вѣ нарядѣ, сказалъ ему Король смѣючись, оборонившись къ нему.

Одинъ приставъ у провѣянша, которой во время войны хопя и нажилъ было значное количество денегъ, но проживъ потомъ всѣ оныя распутнымъ образомъ, хотѣлъ, по воспослѣдованіи мира, возстановить паки прежнее свое благополучіе чрезъ женидбу на нѣкоторой богатой вдовѣ, которая однакожъ не прежде хотѣла за него выдти за мужъ, покамѣспѣ не получишъ онъ себѣ совершенно знаменитаго званія. Итакъ, держа тогда на откупѣ въ опечесивенномъ его городѣ Магистратскія вѣсы, началъ онъ просить городское Правительство о Инспекторскомъ чинѣ; однакожъ въ томъ было ему вовсе отказано, а нѣкоторые изъ Судей совѣщивали оному опнесшись о томъ прямо къ самому Королю. Чего ради, почиая за нужное слѣдовать въ томъ приказнымъ порядкомъ, покусился челобитчикъ сей просить Короля письменно съ великимъ вишійствомъ о чинѣ Военнаго Совѣтника, на что получилъ онъ наконецъ слѣдующаго содержанія рѣшеніе:

„Его Королевское Величество соизволилъ указать сообщитъ находящемуся у провѣянта приспаву Г.: на поданное имъ отъ 7 го числа Февраля мѣсяца письменное прошеніе, въ которомъ просилъ онъ о чинѣ Военнаго Совѣтника, всемилостивѣйшее, свое рѣшеніе, что Его Величество, признавъ сужденіе тамошняго Правительства въ семъ самомъ дѣлѣ весьма основательнымъ, повелѣлъ между прочимъ объявить просителю, что онъ ничуть негодится нынѣ быть Военнымъ Совѣтникомъ, по елику во всемъ Государствѣ существуетъ уже миръ. Но изъ единого уваженія къ глупому щеславію богачей онаго невѣсты, всемилостивѣйше жалуетъ его вмѣсто того колясочнымъ Совѣтникомъ, которому сіе и сообщается симъ во извѣстіе.,

При словѣ колясочнаго Совѣтника, сдѣлавъ Король мѣшку, и подписалъ подъ шѣмъ своеручно: „*Не колесомъ колясочнымъ; а колясочнымъ Совѣтникомъ, разумѣю я.,* Ибо, первое значить на Нѣмецкомъ языкѣ *Wagenrad*, а послѣднее *Wagenrath*.

На нѣкоемъ походѣ въ Богеміи велѣ аріергардѣ, или замыкающую часть войска, одинѣ Поручикѣ, по имени *Кулеманѣ*, въ коемъ находившихся тогда людей обезпокоивали жестоко скишавшіеся повсюду Австрійскіе гусары. Между тѣмъ Король, остано́ваясь на одномъ мѣстѣ, приказалъ всей той колоннѣ нарочно идти мимо его, дабы тѣмъ удобнѣе можно было ему наблюдать всѣ движеніи непріятельскихъ гусарѣ, и увидя вскорѣ потомъ одного изъ оныхъ, который покушался приближаться съ лишкомъ близко, сказалъ при семъ случаѣ своему Адъютанту: „Этотъ гусарѣ смѣлъ до крайности, вижу я., — Одинѣ изъ Унтеръ-офицеровъ аріергарда того, слыша сіи слова, попятился тотчасъ изъ своего ряда назадъ, и хотѣлъ тогда же скакать опшуда прочь. „*Куда ты*, спросилъ у него поспѣшно Король, увидя его къ тому готовившегося? — „Я потерялъ мой кусокъ хлѣба, которой хочу поискать, отвѣчалъ на то сей Унтеръ-офицерѣ. — „*Ей побереги себя*

лучше, сказалъ ему Король на оное ;
 чтобъ не сломить тебѣ головы твоей.,,
 Но Унтеръ-офицеръ тотъ поѣхалъ
 опшуда прочь, не сказавъ припомъ
 ни единого слова. Опѣхавъ такимъ
 образомъ на нѣкоторое разстояніе, ос-
 тановился онъ вдругъ на одномъ мѣ-
 стѣ, слѣзъ долой съ лошади, оставя
 однакожъ лѣвую ногу въ сѣремѣ, по-
 становилъ оную прямо предъ собою,
 и вытащилъ свой пистолетъ. Непрѣ-
 ятельскій гусаръ, починяя между тѣмъ
 на вѣрное, что Унтеръ-офицеръ сей
 долженъ непременно учиниться его
 плѣнникомъ при семъ случаѣ, бросилъ
 ся на него опромешью изъ всей своей
 мочи ; напрошивъ того оный, положи
 свой пистолетъ со взведеннымъ кур-
 комъ на сѣдло, и допустя его къ себѣ
 приблизится, выпрѣлилъ потомъ
 прямо ему въ животъ ; послѣ того,
 вскоча паки на лошадь, примчалъ онъ
 съ собою того гусара въ свой Корпусъ.
 Король, смотря на все сіе произше-
 ствіе со вниманіемъ, не преминулъ,
 по возвращеніи его къ своему мѣсту ;

сказашь ему: „Ты исправилъ свое дѣло
весьма похвально, говорилъ Король;
вотъ настоящий Прусакъ! За твое про-
ворство не будешь ты забытъ, другъ
мой.„

Спустия попомъ съ недѣлю време-
ни, хотѣлъ было Король произвести
самаго сего Унтеръ-офицера въ По-
рушчики; но оный опкланявшись за
по, объявилъ Королю между прощ-
чимъ, что онъ и безъ того крайнѣ до-
воленъ милосіію своего Государя. Че-
го ради не оставилъ Король награ-
дишь его вмѣсто того весьма щедро
при семъ случаѣ.

Въ перъвомъ баталіонѣ Королевской
Гвардіи находился нѣкто между ря-
довыми солдатами, по имени *Баръ*, при-
родный Прусакъ, котораго жаловалъ
Король всегда отличо милоспиво, на-
граждая онаго не рѣдко и деньгами да-
же. Въ одно время, когда просилъ его
нѣкто къ себѣ въ воспріемники, то
онъ, пошедъ прямо къ Королю, и пред-

спавѣ предѣ онаго, говорилъ ему весьма смѣло, что онѣ долженъ былъ пошѣ самый день бытѣ воспріемникомъ у одного изѣ своихъ знакомыхъ, а денегъ у него нѣшѣ ни гроша. Во время его съ Королемъ разговора сего, выпашилъ онѣ между тѣмъ изѣ кармана свою оловянную табакерку, и поспуща по оной крышкѣ рукою, поднесѣ ее пошомъ по просту безѣ зашѣи и самому Государю, говоря пришомъ оному: „Вишѣ и Вы изволише иногда охотно табачокѣ понюхивашѣ, знаю я., Король взявѣ изѣ нее нѣсколько табаку, спросилъ у него смѣючись пришомъ: „*Что за табакерка это у тебя?*„ — „Такѣ некорыстная, отвѣчалъ ему на то Барѣ. Между тѣмъ взялъ Король табакерку сію вѣ руки, и оглядѣвѣ ее со всѣхъ сторонѣ, поставилъ оную пошомъ на столѣ: „Барѣ, сказалъ ему тогда Король, ты, право, не имѣешѣ вѣ себѣ нисколько амбиціи. На вотѣ тебѣ вѣмѣсто этой другая, продолжалъ говорить Фридрихѣ, подавая оному свою золотую табакерку, осыпанную дорогими

каменьями. Да вотъ же тебѣ и два Фридрихсдора, для исправленія воспріемнической должности; поди себѣ телерь на крестины!., Баръ, вышедъ отъ Короля вонъ, пошелъ пошчасъ къ ювелиру, дабы отъ него освѣдомишся, чего стоила пожалованная ему Королемъ шабакерка. „Вотъ тебѣ за нее 5000 Талеровъ, сказалъ ему нато ювелиръ пошъ. Баръ, вырвавъ пошомъ съ сердцемъ изъ рукъ у онаго шабакерку, и прибѣжавъ съ нею прямо къ Королю, поставилъ ее, по приходѣ его шуда, съ крайнею досадою на столъ, сказавъ оному: „Нѣтъ, нѣтъ, дуракомъ я не хочу быть, право!., Выговоря сіе, схватилъ онъ благимъ махомъ опять со стола свою оловянную шабакерку, и побѣжалъ съ нею отъ Короля опроменью. „Телерь то вижу я, подлинно, закричалъ Король ему въ слѣдъ, что ты изъ дураковъ дуракъ. „ И съ самаго того времени не говаривалъ уже никогда съ нимъ ни о чемъ болѣе Фридрихъ.

Нѣкопорый Полковникъ изъ Королевской свиты имѣлъ между прочимъ особливый также познаніи въ поваренномъ искусствѣ, коего вкусъ столь исправенъ былъ, что Король суживалъ по большей части о добростѣ каждого кушанья по онаго лишъ одобренію. Въ одно время подана была на столъ по Королевскому приказанію красная, весьма вкусная, а при томъ и съ лишкомъ сыпная похлебка, отъ которой Полковникъ потѣ вкушалъ тогда весьма мало. „Для чего не кушаете Вы больше сей похлебки, которая столь вкусна, спросилъ у него Король, примѣняя то? — „Потому что она прищорна для меня нѣсколько, отвѣчалъ на то Полковникъ, — „Отъ чегожъ бы, казалось, быть ей такою, продолжалъ говорить Король, когда очень мало въ ней мяса? — „Я знаю совершенно, Ваше Величество, сказалъ потѣ сей знапокъ въ кушанье, что въ такую похлебку для семерыхъ человѣкъ не менѣе пойдеть 14 ти, или 15 ти фунтовъ мяса. — „Ого! И въ половину даже не столько,

сказалъ на то Король съ удивленіемъ. *Постой, это испытаетъ мы тотчасъ.,* Случившійся на шу пору при Королевскомъ сполѣ Камеръ-лакѣи долженъ былъ немедленно опобратъ опъ придворнаго пово­ра обстоятельнѣйшее извѣстіе о всемъ упошребленномъ къ оной похлебкѣ мясѣ, по содержанію коего состояла она изъ 9 ти фуншовъ говядины, 3 хъ фуншовъ шеляпины, изъ одной спарой курицы, 2 хъ фуншовъ окорочной вепчины и тому подобнаго. „Не правду ли сказалъ я, говорилъ припомъ Полковникъ? Я право довольно знаю, что принадлежитъ къ подобной сей похлебкѣ. „ — „Съ одной стороны имѣете Вы, Господинъ Полковникъ, всю справедливость въ томъ, сказалъ тогда Король; а съ другой, буде вычиту я изъ того все то, сколько спроводитъ лова­ръ къ себѣ домой, останусь и я также не менѣе правъ, думаю. „

Въ 1777 мѣ году должны были по приказанію Королевскому многіе Шпабъ-

офицеры изъ Вестфаліи жить въ Потсдамѣ, дабы имъ, находясь тамъ, возможно было тѣмъ удобнѣе перенять всю тамошнюю военную экзерцицію. Между оными находился также и Генералъ Пфуль, котораго Фридрихъ, за его отличныя воинскія заслуги, а наипаче за личное онаго изящное душевное свойство, почиталъ весьма много. Чего ради, во все время бытности его въ Потсдамѣ, былъ онъ всегда приглашаемъ къ Королевскому столу. Однимъ днемъ случилось, что Король, сдѣлавшись нездоровъ, кушалъ одинъ въ своемъ покоѣ; и по окончаніи стола позвалъ самаго сего Генерала, бывшего тогда еще Полковникомъ, къ себѣ. Онъ нашелъ Короля въ его Кабинетѣ, лежавшего на обыкновенной своей походной постелѣ. „Послушай Господинъ Пфуль, сказалъ ему между прочимъ Король; не ужели считаешь ты меня еще надежнымъ жильцомъ здѣсь на свѣтѣ?“, — „И конечно, Ваше Величество, такъ, отвѣчалъ ему сей Генералъ; естлижъ и

придетъ время отдашь Вамъ долгъ на-
 шурѣ, то сіе не прежде, думаю, по-
 слѣдуешь, какъ развѣ лѣшъ черезъ
 двадцать, а тогда не позабудете взять
 и меня съ собою отсюда., — „А какъ
 ты старъ, спросилъ у него Король? —
 „Мнѣ бы годъ, отвѣчалъ Пфуль. —
 „Сколь же давно ты въ службѣ, продол-
 жалъ спрашивать его Фридрихъ? —
 „44 года., — „Такъ по этому мой по-
 койный Родитель еще произвелъ тебя
 въ Офицеры?., — „Точно такъ, Ваше
 Величество., — „Пожалуй же скажи
 ты мнѣ теперь, оказалъ ли я тебѣ когда
 какую милость?., — „Ваше Величество
 изволише меня до самой сей минуты
 кормить хлѣбомъ., — „Да ты вить
 служишь мнѣ за то, перебилъ Король
 поспѣшно его речь. Послушай Пфуль;
 вотъ тебѣ отъ меня 2000 Талеровъ, будь,
 пожалуй, на сей разъ и тѣмъ доволенъ.
 Чтожъ до меня касается впротчемъ, то
 жилъ я уже итакъ довольно много; но
 мало лишъ имѣлъ веселья. Однакожъ,

естьлибъ Богъ продлилъ мою жизнь хотя еще года четыре, то не сталъ бы я, право, ни на что уже роптать тогда болѣе, чтобъ ни угодно было сдѣлать со мною Его святой воля. Слова сїи шпонули Пфуля наичувствительнѣйшимъ образомъ при семъ случаѣ.

По воспослѣдованїи въ 1779 мѣ году мира, пожаловалъ Король самаго сего Пфуля изъ Полковниковъ въ Генералъ-Маіоры, переведя его приномъ въ городъ Берлинъ. Вскорѣ пономъ сдѣланъ онъ былъ Губернашоромъ въ Спандъ. Послѣ того препоручено ему было Маркбранденбургское Инспекторство надъ пѣхотою и все земское правленїе, пожалованы во владѣнїе его разныя вошчины и еще многія кой какія денежныя награжденїи; а въ 1786 мѣ году произвелъ его Король въ Генералъ-Порупчики, и возложилъ на него наконецъ Орденъ Чернаго Орла. Когда же пожаловалъ онъ его первою еще таковою вошчиною, то написалъ къ нему между прочимъ слѣдующее:

„Любезный мой Полковникъ, Господинъ Пфуль! Пожалуй не щитай того, чѣмъ я, находясь въ шоль дальнемъ отъ тебя разстояніи, не помышлялъ яко бы о тебѣ вовсе. Получа лишъ о томъ нынѣ извѣстіе, что въ Игуменствѣ соборной Эйфельской Обишели открылось въ недавномъ еще времени порожнимъ одно мѣсто, то и отдаю я тебѣ его съ полученія сего во владѣніе, дабы доказать тебѣ шѣмъ, что я всегда расположенъ къ швоей пользѣ. „

При вторично оказанной оному же Пфулю нѣкоей со стороны Королевской милости, сказалъ ему шожъ между прочимъ Король: „Чемъ я ни пожалую лишъ тебя впредъ, то все то не до тебя, а единственно до твоихъ дѣтей токмо относится должно, дабы и онѣ могли также сказать то самое, что Король не оставлялъ своею милостию нашего Родителя. „

Въ письмѣ же, полученномъ имъ при доставленіи къ нему Ордена Чер-

наго Орла приписано было между проп-
чимъ собственною Королевскою рукою:
„Я прелровождаю при семъ моему лю-
безному и почтенному Пфулю, знакъ
сей моего къ нему отличнаго благо-
воленія. „

По истиннѣ заслуживаетъ то все-
гда немалого любопытства cadaго,
сколь много покушался сей великій
Государь углубляясь во все, касаю-
щееся до домашней его економіи, пошѣ
самый, который управлялѣ всемъ во-
обще самъ собою и при томъ во всей
еще силѣ! Забота о собственныхъ его
садахъ составляла дѣйствительно наи-
превосходнѣйшую часть домашнихъ
оного попеченій. Весь его Сан-суси раз-
дѣленъ былъ на девять разныхъ ча-
стей, изъ коихъ каждая имѣла своего
особаго садовника: всѣ они купно дол-
жны были неминуемо предлагать ему
повсегодно, что именно надлежало гдѣ
быть поправлено, или и совсемъ вновь
сдѣлано въ слѣдующемъ году. Все сіе

пересматривалъ онъ самъ съ великимъ вниманіемъ, и что лишъ не нравилось ему изъ того, или что либо казалось съ лишкомъ дорого, то ошмѣнялъ онъ обыкновенно, а на прошчее опредѣлялъ потчасъ потребныя деньги, коихъ сумма не рѣдко до десяти тысячъ Талеровъ простиралась. Надъ всѣми сими садовниками препоручилъ онъ въ печеніи послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни имѣть смотрѣніе тамошнему Приставу *Лосію*, котораго призвалъ онъ къ себѣ нарочно изъ нѣкоторой отдаленной Провинціи съ шѣмъ намѣреніемъ, дабы оный поступалъ во всемъ сообразно съ собственными его правилами безъ всякаго къ чему либо пристрастія. Когда же сей человекъ предложилъ Королю нѣкогда о опредѣленіи надъ Королевскимъ садомъ и надъ всемъ до онаго касающемся особаго главнаго Надзирашеля, дабы чрезъ то надежнѣе могъ тамъ бытъ присмотръ за всемъ, то оный отвѣчалъ ему на то слѣдующимъ образомъ: „Хотя и подлинно нужно,

чтобъ наблюдать за этими садовниками по пристальнѣе, по елику всѣ они приобѣкли съ лишкомъ сорить деньги на разныя затѣи; однакожъ я намѣренъ самъ примѣчать во всемъ за ними, а потому и нѣтъ кажется нужды во все вѣнарочною къ тому человекъ. Но вмѣсто того, долженъ ты смотрѣть за тѣмъ, чтобъ всѣ сии садовники умѣли порядочно обращаться съ деньгами. Предлагаемаго же тобою телерь мнѣ Надзирателя волевыхъ не скоро найти можно, а притомъ оный и дорогъ мнѣ стоитъ будеть.,

Въ самой вещи заспавлялъ иногда Король многихъ изъ своихъ садовниковъ чувствовати всю силу его гнѣва; коихъ же напрошивъ того почишалъ онъ за ихъ честность и за великое оныхъ усердіе къ службѣ, съ тѣми обращался онъ завсегда съ безпримѣрнымъ милосердіемъ, вступая съ таковыми часто въ различные продолжительные разговоры о ихъ знаніи.

Итакъ, по сему самому можно заключить и о всѣхъ прошлыхъ частяхъ

онаго домостроительства, какъ то на примѣрѣ: о кухнѣ, о погребѣ и пому подобномъ. По нѣкоторому случаю съ однимъ изъ писцовъ, опредѣленномъ при придворной его кухнѣ, принужденъ онъ былъ въ послѣднее время своей жизни поручить даже и опечеты кухни своей свидѣтельству Щепной Палашы, на контору полагался онъ всегда весьма много.

Всякаго рода суевѣрїе, всякія тайныя сомнѣнїа и скрышныя междоусобныя общесства почиталъ всегда Король порочными и вредными, чему послужилъ примѣромъ вмѣщенное здѣсь его писъмо, писанное въ 1782мъ году къ *д'Аламберту*:

„Не льстите себя, пожалуйста, пишеть онъ, прїяшнымъ воображеніемъ о томъ, будто бы мы достигли уже той самой временной цѣли, чѣмъ владе- ствовалъ надъ людьми здравый разумъ. Вспомните, что весьма не за- долго еще одинъ изъ Нѣмецкихъ вла-

дѣтельныхъ Князей заставилъ совершашъ церковную службу на чревѣ во-
злюбленнѣйшей своей супруги, въ помѣ-
чанинѣ, что она имѣетъ яко бы отъ
того самаго скоро очреватись. Сверхъ
того надобно Вамъ также и то знать,
что въ Саксоніи существуетъ нынѣ та-
кая секта, копорая, на подобіе Аендор-
ской колдуньи, имѣетъ всякое сообще-
ніе со злыми духами. Слушайте далѣ:
Господа Масоны ввели теперъ въ свои
ложи совсемъ новую благочиннѣйшую
секту, копорая несравненно еще не-
сноситѣ, нежели всѣ доселѣ извѣстныя
секты; не смотря однакожъ на то, зна-
читъ это весьма много. Таковыми то
суть мы бѣдныя люди, и такими то
пребудемъ мы навсегда до самаго даже
конца свѣта сего. Совершенныя дура-
ческа, сущія скаски и вообще все не-
обычайное, одерживаютъ здѣсь на зем-
ли всегда побѣду надъ здоровымъ разу-
момъ и непорочно истинною.,,

Вскорѣ послѣ симилѣтней войны, случилось, что нѣкогда, во время присутствія при столѣ, зашелъ у Короля съ бесѣдовавшими тогда съ нимъ Генералами разговоръ о нѣкоторомъ съ непріятелемъ сраженіи, въ описаніи обстоятельствъ коего не согласовалъ Король никакъ съ ними на томъ случай. А чтобы рѣшить скорѣе весь томъ споръ, то приказалъ онъ томъ часъ привести предъ себя одного гранадера изъ своей Гвардіи, по имени *Калабрія*, природою Италіанца, которъ во всю сію войну находился неслучно подлѣ Королевской особы, и о коего оспрой памяти зналъ уже Король весьма довольно. Случилось такъ, что самый сей гранадеръ былъ тогда во Дворцѣ на караулѣ; слѣдовательно и предсталъ онъ въ то время предъ Королемъ во всемъ его караульномъ нарядѣ. „Послушай *Калабрій*, сказалъ ему Король, сколь скоро вошелъ лишъ онъ въ столовую, былъ ли ты при такомъ то и такомъ то именно мѣстѣ? „ — „Былъ, Ваше Величество, ошвѣчалъ на

то сей гранадеръ. — „Ну такъ инѣ
 раскажи же намъ теперь подробно все
 то происшествіе, продолжалъ говоритъ
 ему Король. Калабріи не преминулъ
 попомъ рассказать всѣ онаго обстоя-
 тельства отъ слова до слова точно
 также, какъ и всѣ присутствовавшіе
 тамъ Генералы утверждали то самое.
 „Ты ошибаешься, сказалъ ему послѣ то-
 го Король; подумай ка о томъ по лучше.,
 Сего ради, по многимъ со стороны
 Калабрія удосповѣреніямъ въ томъ,
 что онъ подлинно объявлялъ о всемъ
 справедливо, вскричалъ онъ наконецъ
 громкимъ голосомъ: „Ваше Величество,
 говорилъ сей смѣлый гранадеръ, есть-
 ли все то, что ни говорилъ лишь я
 теперь, есть ложь; то дай Богъ,
 чтобъ мнѣ обѣснѣлся этимъ фазаномъ.,
 При семъ словѣ, схватилъ онъ въ тужъ
 минушу съ стоявшаго на столѣ блю-
 да цѣлаго жареннаго фазана, впихалъ
 его потчасъ въ свою суму, которая
 висѣла у него тогда черезъ плечо,
 обернулся поспѣшно на правокругомъ,
 приоткнулъ крѣпко ногою, и вышелъ

благимъ мапомъ опшуда вонъ. Ипакъ,
по окончаніи таковаго явленія, послѣ-
довалъ немедлѣнно опъ всѣхъ, быв-
шихъ тогда при сполѣ, великій хо-
хотъ, и Король оспался припомъ край-
нѣ довольнымъ таковымъ неспждае-
мымъ рѣшеніемъ сего зашедшего меж-
ду имъ и всею тою бесѣдою спора.

Нѣкогда спросилъ между прочимъ
Король у одного изъ своихъ Пажей:
памятуешь ли онъ кормить его со-
бакъ въ надлежащее время? „Конечно
помню, Государь, опвѣчалъ на то
Пажъ; по тому что въ началѣ пекусъ
я о Вашемъ Величествѣ, потомъ о Ва-
шихъ собакахъ, а наконецъ и о себѣ.,,
Король, не сказавъ ему тогда на оное
ни единого слова, велѣлъ однакожь на-
рочно призвать его къ себѣ по упру
на другой день. „Слушай, сказалъ онъ
ему, увидѣвъ его, теперь подай для
меня кофею, для собакъ моихъ приго-
товъ сухарей; а для тебя вотъ эти
золотыя часы.,,

Король, прогуливаясь нѣкогда по саду въ Сан-суси, увидѣлъ между тѣмъ одного садовника, съ которымъ говаривалъ онъ нерѣдко о разныхъ матерiяхъ, занимавшагося нѣкоею бездѣлушкою. „Что ты тутъ дѣлаешь, спросилъ у него Король? — „Такъ, кой что опѣ скуки, Ваше Величество, опѣчалъ садовникъ сей. — „Не уже ли и ты знаешь скуку, вскричалъ Король при сихъ словахъ съ удивленiемъ! Но съ самыхъ тѣхъ поръ не говаривалъ уже онъ съ нимъ никогда ни единого слова болѣе.

Продолженіе Писемъ
ФРИДРИХА II.

къ Маркизу д'Аржану.

Письмо 55е.

Годъ сей для меня, любезный Маркизъ, былъ годъ наужаснѣйшій, по истиннѣ. Ко спасенію моего Государства, подвизаюсь я, опваживаюсь на все, и предприемлю неудобовозможныя почпи дѣла. Но къ достиженію самой цѣли моего намѣренія, пошребна мнѣ нынѣ наипаче предѣ прежнимъ вся помощь посредническихъ причинъ. Происходившая впротчемъ 5го числа Ноября мѣсяца баталія, была для насъ весьма удачна; мы взяли 8 Французскихъ Генераловъ, 260 Офицеровъ и болѣе 6000 войска къ себѣ въ плѣнъ. Съ нашей же стороны состоитъ весь уронъ въ одномъ Полковникѣ, 2хъ Офицерахъ и 67 рядовыхъ, кромѣ 223хъ раненныхъ. Толь великаго успѣха не смѣлъ я, право, никакъ обѣщать себѣ когда

либо ; итакъ , увидимъ , что еще новаго произведетъ время. Честнаго опца Игумена принужденъ я былъ между прошчимъ приказанъ взять подъ стражу, пошому что онъ изволилъ играть роль исправнаго лазушчика, чему я многія весьма ясныя имѣю свидѣтельства. Куда какъ поносно , куда какъ неблагоприятно это , Маркизъ ! Между тѣмъ увѣдомляю Васъ, что я надѣлалъ несмѣтное множество разныхъ стиховъ. Если останусь я еще въ живыхъ, то увидите Вы ихъ всѣ у меня на зимней кварширѣ ; а буде спану умирашь, то откажу ихъ однимъ Вамъ, и прикажу непременно вручить оныя Вамъ самимъ въ то время. Теперь не опасается уже болѣе всѣмъ добрымъ нашимъ Берлинскимъ жителямъ заботиться о посѣщеніи ихъ со стороны Австрійцевъ и Шведовъ. Впрочемъ, отъ выигрыша единой бапалѣи имѣю я по меньшей мѣрѣ шу выгоду , что въ силахъ бываю хотя ограждать себя нѣсколько отъ всякихъ ополченій на меня прошчихъ непріятелей. Спрашныя сіи

времена, вся сія война, говорю, произ-
 ведущъ безъ сомнѣнія въ Гисторіи цѣ-
 лья Эпохи, надѣюсь. Однакожъ, Ваши
 Французы доказали мнѣ нынѣ доволь-
 но, что въ жестокосердіи не уступа-
 ютъ они и самымъ даже Пандурамъ;
 подлинно, всѣ они наиужаснѣйшіе гра-
 бищели. Все ихъ ожесточеніе прошивъ
 меня заслуживаетъ дѣйствительно вся-
 каго презрѣнія; весь оныхъ поступокъ
 не имѣетъ по себѣ иныхъ слѣдствій,
 кромѣ лишъ того, что изъ искреннего
 ихъ друга, который преданъ имъ былъ
 непрерывно цѣлья шеснаццать лѣтъ,
 содѣлаютъ они себѣ наконецъ непре-
 миримаго врага. Ипакъ, прощайте, лю-
 безный Маркизъ; я чаю, что Вы лежите
 теперь зарывшись въ мягкой постѣлѣ;
 поберегитесь пожалуйста того, чтобъ
 Вамъ не приросли какимъ ни есть
 образомъ къ ней, и не забывайте
 нуще всего Вашего обѣщанія въ посѣ-
 щеніи меня на зимней кварширѣ. Вотъ
 еще сколько остается Вамъ времени
 покоится безпрепятственно; яжъ съ
 моей стороны не вѣдаю того, право,

и по сѣе даже время, гдѣбѣ опредѣлишь
мнѣ мѣсто взаимному нашему свиданію.
Со мною выходишь, истинно, пожѣ
самое, что и съ *Митридатомъ*: то есть,
у меня не достаетъ только двоихъ
сыновей и одной Монимы. Инѣ прощай
же, милый мой лежень.

Письмо 56е.

Вы спранспвуете съ истинною цѣ-
лїю и съ сущюю мѣрою, любезный
мой Маркизъ, яжѣ напрошивъ того
скипаясь по землѣ взадъ и впередъ,
и бываю то тамъ, то здѣсь, на по-
добіе не вѣсь кого, и самъ не знаю.

Я вѣрю тому охотно, что Вы бы-
ли въ моемъ жилищѣ въ Сан-суси, и
и что теперь возвратились уже оп-
туда паки назадъ; но я спорю въ томъ
съ Вами, что на сїю трудную поѣз-
ку употребленъ былъ цѣлый день. О
своемъ же рысканіи не скажу я Вамъ
теперь ни слова: оное происходило
изъ двоякаго намѣренія, какъ то, въ

разсужденіи обстоятельствъ военныхъ и касающихся до Государственныхъ доходовъ; двухъ такихъ вещей, кои во все не нужны для Васъ. На дорогѣ поспарался я собрать разныя достопамятныя примѣчаніи о путешествіи, кои писалъ самъ Императоръ, будучи на моихъ предѣлахъ; изъ сего по самого примѣчаю я, подлинно, что всякая картина выигрываетъ тогда несравненно болѣе, когда глядишь на оную издали, нежели спанешь разсматривать ее вблизи. Однѣмъ словомъ, всѣ мы вообще Государи должны лишь показывать себя всегда во всей славѣ, и такъ далѣе. Впрочемъ, севодни околесилъ я ровно чешыре миль въ коляскѣ и сполько же разстоянія верховомъ, отъ чего самого усталъ я и вправду; чего ради заключу я теперь письмо съе подлинными словами Короля *Дагоберта*, снраснаго собачьего охотника, который, при распаваніи своемъ съ его собаками, не упускалъ никогда проговаривать на прощанье: „И самая лучшая бѣсѣда должна наконецъ разо-

тись., За тѣмъ прощайте, любезный Маркизъ ; я прошу Всевышнего сохранить Васъ навсегда подъ его Святымъ покровомъ невредимымъ.

1757го года.

Письмо 57е.

Не забудьте пожалуйста того, любезный мой Маркизъ, что человекъ имѣетъ болѣе чувства, нежели разума. Я не только что прочелъ всю претію пѣснь *Лукреціеву*, но и повторилъ то даже нѣсколько разъ ; при всемъ томъ однакожъ не нашелъ я тамъ ничего болѣе, кромѣ лишь единой необходимости во злѣ и самого недоспѣха во взаимныхъ средствахъ. Все облегченіе въ моемъ мученіи обрѣтаю я только въ повседневной работѣ, которую принужденъ я всегда исправлять, и въ безпрестанныхъ заботахъ, коими надѣляется меня щедро великое множество моихъ непріятелей. Естьлибъ лишился я подъ Коллиномъ жи-

зни, шо былъ бы я нынѣ непремѣнно въ такомъ безопасномъ пристанищѣ, гдѣбъ не имѣлъ я болѣе спрашится какихъ либо пагубныхъ случаевъ. Но полно все еще долженъ я безпрестанно плавать по сему свирѣпому морю, покуда не найду развѣ подъ щепкою земли себѣ шого благополучія, коего я на семъ свѣтѣ никакъ не могъ обрѣсти! Ишакъ прощайте, Возлюбленный мой. Я желаю Вамъ искренно наслаждаться вождѣльнымъ здравіемъ и всякаго рода щастіемъ, котораго самъ я лишенъ вовсе.

Письмо 53е.

Мнѣ весьма пріятно о томъ слышать, любезный мой Маркизъ, что Вы находитесь нынѣ паки на свѣжемъ воздухѣ. Естли только спанете Вы дѣла въ при томъ нѣкое движеніе, то не оставишь сіе конечно много споспѣшествовать Вашему здравію, и Вы будете, думаю, несравненно спокойнѣе предъ

шѣмъ, чѣмъ Вы были до того въ Берлинѣ. Впрошчемъ, что Вы не забыли и по сѣ еще время перевода *Плутарха*, который возложилъ я на Васъ, по за оное благодарю я Васъ весьма много; ибо это, по истиннѣ, можешъ почестся важною услугою, каковую имѣете Вы оказавъ лишъ шокмо ученому свѣщу и всѣмъ обоготворителямъ глубокой древности. При всемъ томъ одинакожъ, дай Богъ, чтобъ прежде послѣдовалъ совершенный миръ, нежели достигнешъ до окончанія сей Вашъ переводъ: но шолько боюсь я крайнѣ пропивнаго всему тому. Признаюсь Вамъ, сколь неимовѣрны Вы нынѣ въ разсужденіи свяшости малинькаго пузырярка съ елеемъ, столь неимовѣренъ и я равнымъ образомъ въ разсужденіи миролюбивыхъ намѣреній нѣкоторыхъ Державъ. Я предвижу уже впередъ, что потекушъ вновь паки кровавыя рѣки, и что отъ единого шокмо щасія, коему всѣ Дворы купно предославляющъ всю свою судьбу на произволъ, зависитъ неминуемо вся участь. Чего ради про-

пойте, пожалуйста, ему пѣсенку, любезный Маркизъ; прочтите въ честь оному нѣсколько спраничекъ изъ Вашего *Бревіера*, и пощитесь, буде можно, содѣлать его и къ намъ благосклоннѣе. Я обѣщаю посвящать ему охотно съ моей стороны злѣйшій кумиръ, по образу небольшихъ памятникъ, каковы обыкновенно хранили у себя языческіе Императоры, яко нѣкое сокровище, въ ихъ домашнихъ капищахъ. Но между тѣмъ прощайте, любезный Маркизъ, не испреблѣйте меня изъ Вашей памяти, и будьте на всегда удостовѣрены о томъ самомъ почтеніи, коимъ преисполненъ я къ Вамъ.

Письмо 59е.

Вы щитаете нынѣ, любезный мой Маркизъ, вижу я, мысли мои гораздо болѣе свободными отъ разныхъ попеченій, нежели то есть въ самой вещи. У меня теперь, право, премножество хлопотъ на шеѣ; такъ что окончатъ

миѢ мой походѢ, истинно, не столь легко, какѢ Вы воображаете себѢ то. Все мое благополучіе и все бѣдствіе должна опредѣлить непременно ожидаемая мною помощь изѢ Берлина. Еслили буду я щастливѢ, то не заплашишь за то БерлинѢ ни единого шелла; буде же послѣдуешь со мною тому прошивное, такѢ какѢ и прежде, то не премину я тогда конечно помыслишь о средствахѢ, дабы доставить моему народу невозможнѣйшее во всемѢ облегченіе. ВотѢ все шупѢ, что лишѢ могу я сказать ВамѢ только. Какой бы видѢ впрощемѢ ни старались Вы придавать коварнымѢ предпріятіямѢ нашихѢ злодѣевѢ и всѢмѢ гореспнымѢ положеніямѢ нашего Отечества; однакожѢ при всемѢ томѢ не воображаете Вы того никакѢ, чтобѢ я не пронидаль ясно сквозь всю мрачность шучѢ, коими стараешесь Вы всячески сокрыть все настоящее и сильно угнѣтающее бѣдствіе. КонецѢ моихѢ дней, МаркизѢ, ожесточенѢ до самой уже крайности, какѢ видно; а исходѢ жизни моей столь

же злѡщасгенѢ слово слово, какѢ и оной начало. Ни щастіе АгличанѢ, ниже самыя превосходныя преимущеспва Принца Фердинанда, никакѢ не вѢ силахѢ даже удержатѢ всего равновѣсія того ужаснаго положенія, вѢ кошоромѢ обрѣтался я вѢ теченіе сего года; а вѢ будущемѢ должны мы начинатьѢ паки все снова. Короче сказать, чѢтобѢ ни вздумалѢ начать лишѢ я, шо знаю уже впередѢ, чѢто я отѢ великаго множества моихѢ непріяшелей сѢ одной спороны долженѢ буду непремѣнно пастѢ, хотя сѢ другой напрошивѢ того и могѢ бы встатѢ; понеже не оспается уже мнѢ болѢ нималѣйшей надежды ни вѢ помощи, ни вѢ способахѢ, ни вѢ мирѢ, ниже вѢ чемѢ либо на семѢ свѣтѢ. КѢ тому жѢ согласны будете и Вы сомною вѢ томѢ также, надѣюсь, чѢто человекѢ сѢ разумомѢ, боровшійся уже долгое время сѢ нещаспїемѢ, не долженѢ, кажется, прошивостоятѢ сѢ лишкомѢ упорно собственнѡй своей судьбѢ, и чѢто храбрый и смѣлый мужѢ имѣетѢ во всякое время у себя подѢ рукою,

такъ сказать , удобныя и весьма при-
 томъ похвальныя средства къ своему из-
 бавленію изъ всякаго бѣдственнаго для
 него состоянія. Бѣднаго Готсковскаго
 отправляю я нынѣ отъ себя почти съ
 тѣмъ же, съ чѣмъ онъ и сюда прибылъ:
 ибо, прежде двухъ недѣль не могу я здѣсь
 назначить ничего еще утвердительнаго;
 а долженъ сперва окончить сей по-
 ходъ какимъ ни есть образомъ. Сей
 самый срокъ опредѣлилъ я самъ для се-
 бя, отъ чего, какъ видите Вы, имѣетъ
 зависить нѣкошорая часть всей моей
 участи, кою скрываетъ отъ насъ пред-
 будущее время. Инакъ , теперь про-
 щайте между тѣмъ , любезный Мар-
 кизъ , не забывайте меня пожалуйста ,
 и будьте всему тому спокойнымъ зри-
 телемъ , что ни предопредѣлишь лишъ
 только со мною жестокая моя судьба
 и звѣрская ярость моихъ враговъ.

П и с ь м о б о с .

Суета суетствъ , всяческая суета !
 Самыя сїи слова Мудреца , любезный
 Маркизъ , приводимыя мною нимаю не-
 достойнымъ Вамъ въ примѣръ здѣсь ,
 приличествуютъ весьма много къ пре-
 краснымъ полипическимъ разсужденї-
 ямъ , кои написалъ я нынѣшнею зимою ,
 будучи въ Лейпцигѣ . Подлинно справед-
 ливо то , что частно самая наивѣрояш-
 нѣйшая съ виду вещь бываетъ менѣе
 всего справедливою . Со времени моего
 здѣсь пребыванїя перемѣняли уже Ав-
 стрїйскыя двожди свой планъ къ походу ;
 яжъ съ моею стороны не сижу , право ,
 припомъ сложа руки , и ничуть не дре-
 млю , глядя на всѣ таковыя движенїи
 моихъ непрїятелей , въ чемъ можете
 Вы быть увѣрены . Впрочемъ , о во-
 спослѣдованїи въ нынѣшнемъ году ми-
 ра пожалуйте Вы не пекишесь : ибо , не
 смотря на самыя наисновательнѣй-
 шїя заключенїи и шоль многїя разныя
 о томъ вѣроятности , не произойдетъ

изъ того ничего. Естли только не
 оставишь меня вовсе щастіе, то ко-
 нечно выкорачкаюсь уже я, сколько мо-
 жно, изъ всѣхъ сихъ хлопотъ; а не то
 принужденъ я буду въ будущемъ го-
 ду еще плясать все по прежнему, вда-
 ваясь во всѣ опасности, и ломать
 всю себѣ голову, буде лишъ ихъ Апо-
 стольскому, Христіяннѣйшему и Все-
 россійскому Величествамъ разсудится
 за благо продолжатъ говорить: *Стулай
 смѣло!* Чшо касается до обрѣзанника,
 то судите Вы о немъ, право, весьма
 разумно. Ахъ, сколь жестокосердны
 стали нынѣ люди! Многія изъ нихъ
 не стыдясь говорить въ глаза чело-
 вѣку: у тебя вишь есть друзья; и под-
 линно такъ, можно сказать имъ на то
 смѣло въ отвѣтъ. Изрядные друзья,
 копорые, прижимая шокмо руки свои
 крестъ на крестъ къ груди, говорящъ
 лишъ страждущему во утѣшеніе: по че-
 сти нашей желаемъ тебѣ всякаго благо-
 получія! Но я уже уповаю, гово-
 рить онъ имъ! Бросьте мнѣ по крайней
 мѣрѣ хотя веревку Нѣтъ, нѣтъ;

это не можетъ статься, чтобъ ты
ушонулъ, кричащъ они ему Да я
вишь погружаюсь уже совсемъ на дно!
.... И нѣтъ, это не правда, продол-
жаютъ они увѣрять несчастнаго; мы
не чаемъ того никакъ; а естли бы и
послѣдовало то сверхъ нашего чаянiя,
то будь увѣренъ, что мы не оспа-
вимъ сдѣлать тебѣ прекрасную над-
гробную надпись. Вотъ, любезный мой
Маркизъ, вотъ каковъ спалъ нынѣ
свѣтъ; шаквы то прекрасны всѣ тѣ
привѣщствiи, которыми встрѣчаютъ
меня оповсюду. Итакъ, благошвориѣ-
шій Генiусъ всего моего Государства, а
паче самое щастiе, должны быть одни
лишь ближайшими миѣ союзниками; а
къ тому присовокупите еще: наши ру-
ки, наши ноги, всю неусыпность, всю
мочь, все мужество и самую охоту; со
всеми сими имянистыми подвигами ку-
пно въ силахъ еще мы приведенныя въ
замѣшательство вѣсы, коихъ настоя-
щей въ тяжести шочки не могъ най-
ти ни самый Господинъ Питтъ, при-
весши въ нѣкоторое равновѣсiе. Все

то это причиною тому, дѣйствительно, что я клену себя по нѣскольку разѣ каждый день, и прибѣгаю то къ моему *Гассендію*, то къ претѣй книгѣ *Лукреца*; а изѣ того самаго и рождается наконецѣ въ душѣ моей весьма рѣдкое соспязаніе между честолюбіемъ и любомудріемъ.

Впрочемъ, все нынѣшнее положеніе и спо тысячь ровно встрѣчающихся — со мною различныхъ обстоятельствъ, занимають меня теперь столько, что едва имѣю я даже время помыслишь и о моемъ Сан-суси; да полно и увижу ли я его паки въ моей жизни, право не знаю того вовсе. Ипакъ, одни лишѣ Вы, любезный мой Маркизъ, одни Вы, говорю я, купно съ философїею составляете токмо все мое упованіе, все мое прибѣжище и всю мою надменность. Но чтобъ занять Васъ между тѣмъ чѣмъ ни есть такимъ, что бы могло на сей разѣ привлечь къ себѣ все Ваше вниманіе, то скажу я Вамъ теперь, что до 15го Іюля пребудешъ здѣсь все спокойно;

и что припомѣ, естѣли только щас-
 сѣе во все время сего срока не успа-
 нешѣ благопрѣятсѣивоватѣ мнѣ нѣско-
 лько, произойдетѣ нѣчто такое, чего
 всѣ наши непрѣятѣли менѣе всего ча-
 юшѣ. Вы скоро, надѣюсь, услышите о
 томѣ, что это такое значитѣ. Все-
 му уже сдѣлано обстоятельнѣйшее ра-
 споряженіе; остается лишь только
 ждатѣ намѣ желаемой во всемѣ удачи.
 За шѣмѣ прощайте, любезный мой
 Маркизѣ; я лобызаю Васѣ заочно.

NB: Пожалуйте простите великодушно, лю-
 безный Маркизѣ, сколько несвязность
 сего моего писѣма, столько и всю сла-
 бость моего въ немѣ выраженія: ибо,
 естѣли у кого вертитѣся чортѣ за спи-
 ною, шому, право, не дошого, чтообѣ
 писатѣ что ни естѣ въ шонѣ любовной
 поѣмы, или въ преузорочномѣ какомѣ
 либо вкусѣ.

Письмо 61е.

Услыша о благополучномъ Вашемъ прибытіи въ городъ Берлинъ, весьма я шому порадовался, любезный Маркизъ. Ъзда сія можешъ почестся для Васъ, по испиннѣ, довольно великою; но Вашъ походъ окончанъ уже между тѣмъ нынѣ. Впрочемъ, я сполько же неперпѣливо желаю знать о здачѣ Касселя, сколько и Вы; и не смотря на всѣ успѣхи Принца Фердинанда, начинаю я уже, право, спрашится, чтобъ онъ не сдѣлалъ какой ошибки, копорая легко можешъ содвинуть его споль же далеко назадъ, сколь далеко выспунилъ было онъ впередъ. Господа Французы, вижу я, нѣмы слово слово также, какъ чешуйчешыя пвари; они не промолвятъ съ Агличанами ни единого словечка. Однѣмъ словомъ, мы уже близки шеперь къ отккрытію похода, который, вѣроятно, будетъ сопряженъ съ шоликими же злополучіями и опасностями, какъ и прежній. По испиннѣ сказать, эщо самое дѣлаешъ меня

крайнѣ скучнымъ и безпокойнымъ, сколь скоро подумаю я лишѣ только о томъ. Часпо говорю я къ своему одобренію самъ себѣ: Сильному спремленію случаевъ, мчащему насъ со всею силою, и ничемъ непреоборимой судьбинѣ, кошорая всѣхъ людей приводишъ въ сильнѣйшее движеніе, на подобіе страшныхъ вихрей, производящихъ ужасную бурю, никакъ прошивостоять нельзя. Таковое ублаженіе хотя и не сълишкомъ сильно, правда, ущѣшивъ обремененнаго человѣка крайнею печалію; но полно болѣе не оспается уже ничего инаго говорить. Между тѣмъ, за увѣдомленіе Ваше о Сан-суси, благодарю я Васъ покорно. Богъ знаетъ, удастся ли то досягнуть миѣ паки до него моею ногою; при всемъ томъ одинакожъ произвело во миѣ все сказанное Вами несказанное удовольствіе. Ибо, я мыслю о моемъ Сан-суси столько же, сколько и Жида о своемъ Іерусалимѣ, или сколько *Моисей* о Обѣщанной землѣ, въ кошорую хотѣлъ было веспи онъ всѣхъ Израильтянъ;

но куда и самому ему даже возбраненъ былъ входъ вовсе.

Что мнѣ сказать Вамъ о Королѣ Португальскомъ, любезный Маркизъ? Извѣстный Вамъ Н: . . . не произвелъ еще нигдѣ ничего похвальнаго; да едва-ли и учинитъ то когда, покуда вла-дѣющіе тамъ Лица не примутъ на себя, такъ какъ *Кесарь*, званія и власти верховнаго духовнаго Пастыря; по елику люди сїи употребляютъ съ лишкомъ много во зло имя вѣры, которая непремѣнно должна быть пѣчайшею уздою пороку. Онѣ вооружаютъ себя освященнымъ ножомъ, которой берутъ онѣ съ жертвенника на принесеніе въ жертву своему неисповѣстному Государей, и самую кротостію несмысленныхъ, для обезпеченія и вящаго распространенія ихъ ненасытныхъ желаній и необузданнаго властолюбія. Поступокъ Папы при подобныхъ случаяхъ не поняшенъ вовсе, по истинѣ. Непремѣнно долженъ быть сей Священный Отецъ челоуѣкъ слабый; а тайный онаго Совѣтникъ сущій зло-

дѣй, который заслуживаетъ быть дѣй-
ствительно колесованъ; но полно что
намъ теперь нужды до этихъ лю-
дей.

Впрочемъ, Кассель и всѣ мои оп-
дѣленные Корпусы причиняютъ мнѣ
нынѣ несравненно болѣе заботы, неже-
ли всѣ вообще Езуиты цѣлаго свѣта.
У меня теперь безпрестанно въ гла-
захъ та претяжкая работа, которую
долженъ я неминуемо произвести въ
дѣйство; и мнѣ не остается уже ни-
чего инаго, кромѣ единой лишъ доброй
воли и непреложной любви къ Госу-
дарству: вотъ все тутъ мое орудіе.
Однѣмъ словомъ, я повергаюсь слѣпо
въ неизмѣримую пучину волнуемаго
различными вѣтрами моря, не зная
самъ, гдѣ и какъ причалишь я на-
конецъ долженъ. Таковымъ то нынѣшнее
мое положеніе въ настоящемъ его ви-
дѣ, и такую же надежду преподаетъ
мнѣ предбудущее время. Хотя и пишу
я, правда, всячески казаться спокой-
нымъ; но посудите Вы между тѣмъ
сами, можетъ ли человѣкъ, рожден-

ный съ пылкими свойствами, достигнуть когда посредствомъ любомудрія до сей совершенной нечувствительности.

За симъ прощайте, любезный Маркизъ; пишите пожалуйста ко мнѣ почаще. Кланяйтесь при томъ отъ меня прекрасной Лисынкѣ, и будьте на всегда удословѣреннымъ о томъ почтеніи, которое я во всю мою жизнь имѣлъ и имѣю къ Вамъ.

Письмо 62е.

Покорно благодарю Васъ, Маркизъ, за Ваше писаніе. Теперь не имѣю я болѣе ни о чемъ непріятномъ увѣдомить Васъ; но напрошивъ того могу еще Вамъ сообщить извѣстіе о такихъ вещахъ, кои обѣщаютъ всю утѣху, и подають знаки къ совершенной надеждѣ. Брогліо возвратился уже чрезъ Майнъ паки назадъ; а оставилъ только 2000 человекъ въ Касселѣ: толикая умѣренность доставляетъ нынѣ вновь

случай судить о Французскихъ миролюбивыхъ мысляхъ. Австрійсцы же между тѣмъ не оставляютъ все еще весьма много пешихъ о своихъ Владѣнїяхъ въ Италїи; возмущенїе въ Венгріи продолжается безпрестанно; Дворъ начинаетъ даже оказывать склонность къ миролюбію; и по всему, какъ кажется, склоняется уже сія жестокая и бѣдственная война къ совершенному концу. Симъ самымъ возстановишся паки нѣсколько моя надежда; или, по меньшей мѣрѣ чувствую я отъ того хотя преходящую радость, что также для меня не лишнее. Здѣсь занимаюсь я наиболѣе тѣмъ, что изошряю всю мою память, дабы облегчить сколько ни есть бремя той бѣдной скопины, которая имѣетъ щастїе возить на себѣ все мое ученое сакровище. Чтенїемъ *де Ту* дошелъ я почти уже до самаго конца; книга сія написана, по истиннѣ, весьма хорошо, и заслуживаетъ все со стороны моей одобренїе.

Впрощемъ, судье *Волтера* удалося во всемъ нарочито много, какъ кажется

мнѣ; но полно онѣ спрогѣ уже до крайности: ибо, есѣли *Волтерова* Гиспорія и не имѣетѣ въ себѣ какого либо поучительнаго нравоученія, то по меньшей мѣрѣ она прекрасна; она изображаетѣ милую каршину, сущую забаву *Корреджія*; такѣ что изѣ обѣихѣ насѣ не пожелаетѣ никшо, думаю, опорочить сколько нибудѣ все сѣе твореніе. Между шѣмѣ однакожѣ, въ короткое время надѣюсь я сообщить ещѣ Вамѣ кой какія пріятныя извѣстїи о нашемѣ походѣ въ *Фогшландію*, о чемѣ ежеминутно жду я неперпѣливо увѣдомленія. Ишакѣ прощай, любезный мой Маркизѣ. Опочивай себѣ спокойно; чрезѣ нѣсколько недѣль, думаю, не будетѣ уже ничемѣ болѣе нарушено все Ваше пріятное спокойствіе; а когда наступитѣ время, тогда будетѣ и совѣштѣ между нами. Прощайте.

Охопиѣсѣбѣ желалѣ я, право, разсуждаѣ сѣ Вами о мирѣ, нежели о всѣхѣ нашихѣ прѣуготовленїяхѣ къ походу; а чѣсѣбѣ не сдѣлаѣся предѣ Вами обманщикомѣ, то намѣренѣ я расказаѣ Вамѣ всѣ нынѣшнїя обстоятельствова по сущей справедливости. Судя безприспрасно о расположенїи мыслей Королевы Венгерской, не могу я никакѣ ожидаѣ отѣ нее каковаго либо успѣха въ мирѣ: ибо, снова нынѣ нарушено паки перемиріе, не смотря на то, чѣто торжественно было обѣщано намѣ храниѣ оное. Толь наглый поступокѣ, каковѣ сей, и толь явное вѣроломство, доказывающѣ ясно, чѣто Королева Венгерская намѣрена еще испытываѣ свое щасїе въ семѣ походѣ; и чѣто щипающѣ она сообразнымѣ то сѣ ея пользою, есѣли толькѣ удержаны будутѣ сколько возможно подолѣе попавшіяся въ плѣнѣ къ ней мои войски. Но полно не на одно сѣе цѣлю я; есѣтъ еще великое множество подобныхѣ оному поступокѣ, кои

всѣ вообще склоняющся къ тому лишъ
 единственно, чтобъ только измѣнить
 ей во всѣхъ ея поносныхъ намѣреніяхъ.
 Ишакъ оставше, пожалуйте, людямъ
 всю свободу въ льспивой надеждѣ о
 приближеніи мира, и не мысля съ ни-
 ми въ пиомъ за одно, не лишайте ихъ
 въ шомъ упованія. Я самъ жду почти
 того же самаго, что случилось съ на-
 ми въ прошедшемъ году, не зная то-
 го, буду ли я столько же щасливъ;
 потому что одно злополучное мгнове-
 ніе въ силахъ опровергнуть все по-
 зданіе, кое мы до того неслыханны-
 ми трудами сколько можно спарались
 всячески поддерживать. Но какъ бы
 то ни было, я предпріемлю походъ
 сей, такъ какъ таковой человѣкъ, копо-
 рый во время сильнаго наводненія по-
 вергается стремглавъ въ самую глу-
 бину. Ибо, желая все напередъ пред-
 видѣть, есть дѣйствительно самый
 крапчайшій путь къ гипохондріи; а ни
 о чемъ не мыслить, есть нарочно вда-
 вався въ опасность, доведену бытъ до
 крайности. И для того то говорю я

всегда самъ себѣ: что все вообще злое, чего спрашашся всѣ, и все вообще доброе, чего желаюшъ всѣ также, не бывающъ всегда такими, какими бы хотѣлось людямъ ихъ видѣть; но отъ обоихъ изъ сихъ сторонъ слѣдуетъ непремѣнно многое прочь опкинуть. Къ тому жъ и не остается мнѣ ничего иного дѣлать при шолікомъ множествѣ моихъ непріятелей, какъ шолько бывъ безпрестанно во всякой оспороженности, и всегда старашся употреблять каждый удобный случай въ свою пользу. Однакожъ, на сей разъ довольно говорюшъ намъ о военныхъ дѣлахъ.

Теперь пришло мнѣ на умъ то самое мѣсто Вашего письма, гдѣ упоминаете Вы о *Волтеровой* новой трагедіи. Я прочелъ ее еще одинъ разъ: она заключаешъ въ себѣ жалостныя, правда, предмѣты, кои не оставилъ онъ употребить въ свою пользу; но между тѣмъ, не хочу я никогда подражать его стихамъ съ перемѣнными виршами: я истинно не знаю, какъ могутъ они быть удачны на театрѣ, потому что

въ чтеніи кажутся они мнѣ совершенною прозою; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ подобны они оперѣ. Однѣмъ словомъ, вся сія пѣсса не кажется мнѣ нимало. Все ея содержаніе съ лишкомъ запущано, многіе въ ней разговоры совсемъ не къ спашу, дѣйствующія въ оной лица изображены нарочи дурно, она мало имѣетъ въ себѣ такихъ стиховъ, кои бы заслуживали особливаго какого либо вниманія, а во многихъ мѣстахъ не достаетъ даже въ ней и самаго вѣроящаго, такъ что каждый читатель соскучитъ, безъ сомнѣнія, надъ оною непремѣнно. Итакъ, если проживетъ только *Волтеръ* еще нѣсколько времени, то думаю, что онъ всю свою всемирную Гисторію переложитъ наконецъ въ такъ называемые бѣлые стихи и въ епиграммы. Правду сказать, въ этой штукѣ довольно много вздору; но полно признайтесь и Вы въ томъ, что этотъ вздоръ великаго мужа: каждому человѣку должно быть справедливу, и отдавать дарованіямъ самаго сего Мудреца должное почтеніе. Впрочемъ

чемъ, я самъ видѣлъ ту крипику, которую сдѣлалъ нѣкто на всю его всеобщую Гисторію: чаятельно, что шворецъ оной былъ сущій Янсенистъ; онъ оспанавливается наипаче при Христіанскомъ благочестіи и при безпристрастныхъ мнѣніяхъ, кои утверждаетъ самъ *Вольтеръ*. Сочиненіе сіе было бы конечно изрядно, есплибъ только онаго авторъ не вмѣшалъ въ него чрезчуръ много насмѣшекъ и епкости, а припомъ и воздержался бы хопя нѣсколько отъ нѣкоторыхъ сильно жестокихъ выраженій.

По истиннѣ, любезный Маркизъ, я самъ спыжусь содержанію сего моего письма: мнѣ бы надлежало нынѣ думать о башаліяхъ и о моемъ походѣ; а не о новыхъ изданіяхъ, выходящихъ въ свѣтъ, судить. Случай сей напоминаетъ мнѣ ипеперь о тѣхъ оспроумныхъ словахъ, которыя выразила нѣкогда одна придворная дама *Анны Австрійской* предъ *Людвигомъ XII* мъ, увидя его занимавшимся въ нанизываніи земчужинъ. „Государь, говорила она, Вы свѣдущи во всѣхъ вообще художествахъ,

кромѣ лишѣ своего собственнаго.,, Се-
го ради прошу Васѣ покорно просишь
миѣ теперѣ великодушно сей малый
опытъ учености, и извинишь меня въ
навлеченїи Вамѣ скуки симѣ простран-
нымѣ моимѣ письмомѣ, хотя по той са-
мой дружбѣ и по тому почтенїю, коими
преисполненѣ я на всегда къ Вашей осо-
бѣ; а между тѣмѣ прощайте.

Письмо 64е.

„Вся вражда возродилась въ *Аматѣ*,
и поселила весь свой ядѣ во глубину
ея сердца; она возстала преисполненна
яростїю противѣ *Энѣя*. „

Не видѣли ли Вы изѣ того теперѣ
ясно, что совершенно напрасно драгся
далѣе, и что несравненно труднѣе пре-
одолавать злонравныхѣ женщинѣ, не-
жели храбрыхѣ мужей. Я желаю, по
истиннѣ, мира столь же усердно,
сколько напрошивѣ того всѣ мои не-
прїатели имѣющѣ къ тому отвраще-

нїя; еспьлижѣ и дохожу я до какой либо крайности, то все оное должно приписать единой шокмо необходимости.

Впрощемѣ, Вамѣ легко можно занятся еще въ нынѣшнемѣ году извѣдомостей разными новостями; но ничуть однакожѣ не о томѣ, что происходитѣ на поверхности Апаллагскихѣ горѣ, или, что произведетѣ наконецѣ война у Морлаховѣ; а о томѣ лишѣ, что предопредѣлитѣ свобода, или самое рабство всей Европы, которая спремишя покоритѣ подѣ свое иго новое Трїумвиратство. Ишакѣ, еспьлибѣ только зависило отѣ меня все, то охотнѣебѣ хотѣлѣ я бытѣ на это время въ портѣ, нежели выступитѣ на мѣсто публичнаго позорища; но буде уже палѣ единожды на меня въ томѣ жребїй, то долженѣ я непременно испытатѣ шеперь учасѣ своего щастїя.

„Блаженѣ тотѣ, кто въ уединенїи среди храма Премудрости, и проч:
Есмѣ.

Письмо 65е.

Вы видѣте теперь ясно нѣкоторыя изъ тѣхъ самыхъ ударовъ, коихъ спрашлся я еще со времени прошедшей зимы. Сіе самое было настоящею причиною всѣмъ тѣмъ письмамъ, Маркизъ, когорыя писалъ я къ Вамъ столь часно о моемъ нещасномъ положеніи. Я долженъ былъ истощить все мое мудрѣе на то, дабы лишъ помогло оно мнѣ твердо вынести всѣ вообще препятствїи, огорченїи, обиды и всю купно силу тѣхъ безчестныхъ поступокъ, кои неслучались токмо со мною. Ипакъ, теперь готовъ я на все, могу даже по нуждѣ проповѣдывать Вамъ и о окончаніи нашего похода. Мы займемъ, думаю, пакы Лейпцигъ, Виштенбергъ, Торгаву и Мейссенъ; а за непрїятелемъ оспанушся, надѣюсь, въ Саксонїи Дрезденъ и въ Силезїи всѣ нагорныя мѣста; такъ что всѣ сїи преимущества помогутъ ему легко наградить меня въ будущемъ году послѣднимъ уже ударомъ. Не ожидайте отъ меня того никакъ,

чтобъ я сказалъ Вамъ, что у меня на умѣ, а шѣмъ менѣе того самого, что я имѣю въ мысляхъ; но безъ сомнѣнїя ошгадаеше Вы, думаю, что происходитъ во внушренности моего сердца, и сколь велико безпокойствїе моего духа и всѣхъ моихъ помышленїй.

Впрощемъ, письмо Ваше произвело во мнѣ столько удовольствїя, сколько лишь возможно чувствовашъ по челобѣду во время страшной бури, въ столь бѣдственныя часы среди челюстей смерти, опустошенїя и раззоренїя. Напротївъ же того Вы, какъ вижу я, сохранили посреди даже самыхъ Австрїйцевъ и Россїянъ совершенно спокойный духъ, и Ваше здравїе не потерпѣло отъ того нимало. Списокъ съ письма, который препроводили Вы ко мнѣ образно, есть подлинно мой, кромѣ только нѣкоторыхъ въ немъ грамматическихъ погрѣшностей, кои вкрались, чаятельно, какъ нибудь въ его перепискѣ. Такимъ образомъ помрачился нынѣ весь ошашокъ дней моихъ желчью, любезный Маркизъ, вопшъ какъ изволишъ шѣ-

шился щастіе слабыхъ смертныхъ; но соскучивъ наконецъ онаго обманчивымъ привѣтствіемъ и опаснымъ непостоянствомъ, помышляю я теперь только о томъ, какъ бы оградить себя такъ, чтобъ не спрашится мнѣ болѣе ни злоухищреній людей, ни же гнѣва боговъ. За пѣмъ прощайте, любезный Маркизъ, успокойтесь, пожалуйста, совершенно, и прочтите еще одинъ разъ изъ *Виргилія* вторую пѣсню, гдѣ усмотрите Вы, можеть быть, образъ всѣхъ спраданій моего любезнаго Опечесства; а между пѣмъ пишите ко мнѣ почаще, попому что имѣете Вы на то довольно празднаго время, и не забываете меня какъ возможно.

Письмо 66е.

Ваши оба письма, любезный Маркизъ, гораздо болѣе спюютъ, нежели самыя выигранныя баталіи; онѣ, право, прекрасны. Теперь желалъ бы я только того, чтобъ Вы, въ разсужде-

нѣи послѣдняго изъ нихъ, знали нѣко-
 торый достопамятный случай, то есть,
 что Франція объявила Голландской Ре-
 спубликѣ, что хопя она и намѣрена
 покуситься высадить свои войски на
 берегъ въ Англіи; но что до Препен-
 денша нимало не касается она притомъ.
 Сію малую неосторожностію можно
 легко поправить; скажашъ лишъ толь-
 ко то, что Франція не хотѣла вовсе и
 упоминать даже о имени Препенденша,
 опасаясь того, чтообъ не привести въ
 нѣкую ненависть всего онаго предпріа-
 тія; а потому то, слѣдственно, и могло
 бы сіе послужить къ совершенной его по-
 лъзѣ. Между нѣмъ вижу я, что Вы изво-
 лише насмѣхались, какъ надо мною, такъ
 и надъ моимъ святейшимъ Дипломомъ,
 не зная того по видимому, что естъ-
 либъ его сравнить съ Вашими письма-
 ми, тобъ было все тожъ, что сли-
 чить какую либо *Руссову* Эпиграмму съ
Виргиліевою Энеидою. Не заботьтесь,
 пожалуйста, о томъ, я уже и безъ того
 умѣю какъ снискать себѣ должное; мой
 превращенный сѣвернымъ климатомъ

въ сущій ледѣ мозгъ не можетъ никакъ равняться съ Вашимъ Прованскимъ воображеніемъ. Всѣ лягушки въ Аяксѣ имѣютъ несравненно болѣе разсудка, нежели всѣ мои любезные земляки: за умомъ гонятся вовсе не наше дѣло; довольно и того для насъ щастія, что во время двухъ эпохъ нашей жизни примѣченъ и въ насъ также человѣческій разумъ. У Васъ есть крылья, а я таскаюсь на клюкахъ; чего ради прошу не взирать на меня съ Вашей высоты съ презрѣніемъ, и не издѣваясь надъ моимъ бѣдствіемъ; а позволите и мнѣ лучше за Вами полсти въ слѣдъ по тому же самому пути, по которому Вы спѣшите столь усердно.

Впрошчемъ, въ Вашей тайнѣ не измѣню я Вамъ никакъ. Вы знаете то, что первый обѣтъ, требуемый обыкновенно отъ всѣхъ Полишиковъ, долженъ быть непременно посвященъ богу молчанія. Яжъ злощастный, принужденный по неволѣ все то дѣлать, чего лишъ прочія отъ меня требуютъ, а никогда не въ силахъ произ-

водишь того, чего бы мнѣ самому хотѣлось, я, говорю, научился уже въ сей школѣ довольно тому искусству, чтобъ содержаъ всегда мой языкъ въ предѣлахъ моихъ зубовъ; слѣдовательно, нечего и опасаться Вашей Свято-сти того, чтобъ я обнародовалъ когда либо тѣ самыя письма, кои произвело оныхъ благочестивое усердіе для Протестантскаго ученія.

Въ нынѣшнемъ моемъ положеніи долженъ я весьма пристально наблюдать за цѣлою дюжиною разнообразныхъ предмѣтовъ, кои разстроивающъ меня всего столь много, что уже никакъ не въ силахъ я болѣе преподаваъ Вамъ повода къ дальнѣйшимъ надъ собою насмѣшкамъ. Преждевременный же походъ, объявленный *Дауномъ*, имѣетъ превратиться, думаю, въ чрезчуръ милосливой, и воспріиметъ непремѣнно на себя сѣе названіе, которое въ прежнія войны дано въ насмѣшку всѣмъ Австрійскимъ войскамъ.

Между тѣмъ однакожъ, извольте себѣ благополучно ѣхать въ Сан-суси,

мой Возлюбленный; Вы знаете то, что мой домъ и все то, что лишъ предоставило мнѣ милосердое щастіе, готовы совершенно къ Вашимъ услугамъ. Вмѣсто же найма, требую я отъ Васъ только того, чтобъ Вы увѣдомили меня, въ какомъ состояніи нашли Вы галлерею, и лучше ли спали Старый и Кишайскій сады въ тѣ четыре года, въ копорые не видалъ я ихъ вовсе. А за тѣмъ прощайте, мой любезный Маркизъ; будьте здоровы, употребляйте, пожалуйста, изъ колодезь воду, прогуливайтесь по саду, снабжайте меня пріятными извѣстіями, а паче всего не забывайте Вашихъ старинныхъ друзей, на коихъ, безъ сомнѣнія, вознегодовалъ совершенно самъ Богъ, потому что принуждены они безпрестанно вести войну.

Письмо 67е.

Среди самого жестокаго моего мученія опѣ лома въ костяхъ получилъ я Ваше письмо, любезный мой Маркизъ; и въ самое то время пришло мнѣ на умъ, что философъ *Посидоній* сказалъ нѣкогда въ отвѣтъ *Помпею*, когда оный, проѣзжая чрезъ городъ Аѳины, велѣлъ у него спросить, можешь ли онъ его слушать, не бывъ ему въ тягость: „Того никакъ не хочу я слышать, говорилъ сей самый философъ, чтобъ шель великій мужъ, каковъ *Помпей*, желая меня слушать, былъ опѣ того когда либо удержанъ ломомъ въ костяхъ моихъ.„ По прибытіи же къ нему *Помпея*, началъ онъ разсуждать о презрѣніи всякаго мученія въ болѣзняхъ, при которомъ случаѣ не могъ однакожъ никакъ воздержаться опѣ того, чтобъ не восклицать ему иногда: „О мученіе, мученіе! Сколь бы ты впрочемъ ни сильно и сколь бы ни тяжко для меня было: но никогда однакожъ не принудишь меня

въ томъ признася, что ты есть нѣ-
 кое зло яко бы., Самому сему Фило-
 софу подражаю и я также; и Вамъ,
 Вамъ то ошвѣспивую я несравненно
 съ превосходиѣйшими свойствами мужу
 предъ всѣми дарованіями всѣхъ вообще
Помлеевъ, тому, который хочетъ знать
 всю мою болѣзнь: одрахлѣвъ совершен-
 но лѣвою рукою, обѣими моими нога-
 ми, а наипаче правымъ колѣномъ, по-
 лзуюсь я теперь всею услугою отъ
 одной только моей правой руки, еди-
 наго лишъ члена, который оспался
 еще у меня свободнымъ понынѣ, дабы
 вести, по видимому, непрерывную съ Ва-
 ми переписку, и припомъ просить Васъ
 покорно приѣхать въ Глоговъ. Завтра
 велю я перевести себя въ ***, копо-
 рая въ разстояніи отсюда не далѣе,
 какъ только на половину мили. Инакъ,
 взявъ всѣ сіи различныя нацасіи,
 препяспивіи, немощи, спрашную по-
 терю друзей и всю неспособность
 въ произведеніи всего въ дѣйство,
 при необходимо нужныхъ обстоятель-
 ствахъ, совокупно въ разсужденіе, по-

стигнете Вы то, безъ сомнѣнiя, что все оное крайнѣ немило. Между тѣмъ Вамъ не оспашется ничего болѣе спрашшя; Россiяне идутъ въ Позень, а опшуда въ Торунь; и вся дорога чрезъ Берлинъ, чрезъ Франкфуртъ и чрезъ Кроссенъ доселѣ весьма безопасна; слѣдовашельно, можете Вы ѣхать, такъ какъ среди самаго мира. Прощайте однакожъ, мой Любезный, великая моя слабость преняшсшвуетъ мнѣ шеперь совершенно продолжая сiе письмо.

Письмо 68е.

Чтобъ явился предъ лицомъ свѣта въ насшоящемъ видѣ Пiиша, мой любезный Маркизъ, то несносно для меня то крайнѣ, признаюсь я: ибо, всѣ Спихопшворцы находяшяся съ лишкомъ въ дурномъ почшенiи; наилучшеежъ о нихъ заключенiе есть то, что они сущiе дураки. Но что принадлежитъ до словаря о безбожникахъ, то оный кажешя мнѣ до крайности смѣшонъ.

Естьли сказать правду, то меня огорчило то нѣсколько, что помѣспили также въ число нашихъ сошоварищей сущаго дурака *де ла Бомелла*. Сей бѣднякъ и не помышлялъ даже о томъ никогда; а принадлежишь только къ шѣмъ, кои, на подобіе шѣхъ самыхъ перемешчиковъ, копорые отъ единой лишъ прусоссти бѣгутъ изъ войскъ, дѣлають всему любуудрїю по своей слабоспи совершенное безчеспїе и пачно. Ишакъ, все изъ искуспѣйшихъ ухващокъ, упошребляемыхъ обыкновенно Богословами съ наиудачнѣйшимъ успѣхомъ, состоишь единственню только въ томъ, что они всѣхъ вольно мыслящихъ людей и Философовъ помѣщаютъ въ одну купно спепень; не смотря на то, что перьвые, допуская себя управлять болѣе буйспвенными волненїями ихъ свойства, нежели самымъ ихъ разумомъ, повергаются изъ одной чрезвычайноспи въ другую, то есть, изъ невѣрїя въ суевѣрїе. Такимъ то именню образомъ поржеспвуютъ сплошь всѣ Господа Богословы; а по-

слѣдствіи, производимыя изъ нравственной жизни сихъ самыхъ людей, кои никакого вовсе не имѣютъ поведенія, суть оныхъ наилучшія орудія. Но полно мнѣ оспаривать побороть совсемъ другого рода людей предъ Бого-словами, и должно возвѣщать все мое прибѣжище къ наипревосходнѣйшему искусству и къ наихипрѣйшимъ уловкамъ, дабы преодолѣть сихъ лукавыхъ чертей, кои преслѣдуютъ меня повсюду безъ всякаго милосердія. Попеченіи сіи изженяютъ каждую постороннюю мысль изъ моей головы, такъ какъ нѣкій сильный недугъ угнѣщаетъ другій, не столь великій предъ нимъ. Короче сказать, мой Возлюбленный, я не могу шеперь ни къ чему, кромѣ единой лишъ драки, поштому что прощивная моя учась такъ того хочетъ.

Между тѣмъ пишите ко мнѣ, пожалуйста, обо всемъ безпрестанно, и будьте на всегда удостовѣренными о моей къ Вамъ дружбѣ. Прощайте.

Письмо 69е.

Это подлинно справедливо, любезный мой Маркизь, что всѣ вообще, какъ благополучныя, такъ и несчастныя произшествiи по перемеѣнно слѣдующъ однѣ за другими. Намъ постигли споль многія изъ сихъ послѣднихъ, что шеперь непремѣнно слѣдуетъ бытъ чему нибудь такому, что бы доставило намъ хотя малое облегченiе. Между тѣмъ однакожъ надобно намъ наблюдать того, сколь далеко можемъ мы полагаться на нашу надежду. Во все продолженiе сей войны, былъ я сколько съ перомъ, сполько и со шпагою шоль несчастливъ, что нынѣ овладѣла мною совершенно крайняя во всемъ недовѣрчивость, и я вѣрю шеперь однимъ шолько моимъ глазамъ и ушамъ. Могъ бы я, правда, описать и гораздо еще проспираниѣ о различныхъ родахъ заблужденiя Господъ Полишковъ во всѣхъ оныхъ догадкахъ; чемъ не недоспало бы у меня конечно

примѣровъ о спешшихъ съ истиннаго
пути сего рода людей, и при томъ
еще такихъ, кои допустили себя об-
мануть собственному ихъ воображенію,
или безразсудности. Но самоежъ сіе
удерживаетъ меня отъ того, дѣлая
меня и скромнымъ и весьма осторож-
нымъ. О сколь похвальна, по истинѣ,
всякаго рода опытность! Будучи без-
разсуднымъ во время моей юности, на
подобіе младаго коня, который, бывъ
не обузданъ, рыщетъ взадъ и впередъ
по лугу, сдѣлался я теперь довольно
разсудительнымъ, такъ какъ преспа-
рѣлый *Несторъ*; но полно и самъ я уже
устарѣлъ, спалъ удрученъ печальми
и обремененъ слабостями; однимъ сло-
вомъ, я неجوусь уже болѣе никуда и
ни къ чему.

Увѣдомленіе Ваше о Портъ-Магонѣ
совершенно ложно, мой Возлюбленный,
такъ какъ и извѣстіе о 2000 плѣн-
ныхъ Генерала *Сейдлица*. Я не дивлюсь
впрочемъ нисколько сей городской мол-
вѣ, пошому что и у насъ здѣсь нѣтъ
никакого также въ томъ недостатка.

Когда станешь доходить во изслѣдованіи до самаго ея начала, то исчезнетъ она вовсе, такъ какъ начало знаменитѣйшихъ поколѣній. Теперь то настоящее, по истинѣ, время для всѣхъ сказочныхъ кузнецовъ и фабрикантовъ всякихъ новостей: естли только не дойдешь дѣло до спрашенныхъ исполиновъ, или до разныхъ волшебницъ, то всему прочему повѣришь не трудно, такъ что весьма развѣ малое число, думаю, изъ чистыхъ людей опгадають изъ всѣхъ сихъ бредней и что справедливое, которое прикрашено столь многими повѣстями. Вы совѣщуете мнѣ между прочимъ беречь себя при всякихъ случаяхъ; но возможно ли, полно, исполнить тому то, мой Другъ, котораго шармаша такъ, какъ меня? Самыя пшички, предославленные на волю малыхъ дѣшей, и самые, говорю, кубари, гоняемые малыми ребятами плешкою, не будупъ такъ засованы и такъ упошчиваны, какъ я бѣдный былъ опдѣланъ доселѣва опъ цѣлыхъ троихъ ожесточенныхъ на меня непріятелей.

Итакъ прощайте, мой Любезный; сколь скоро лишъ получу я хотя мало мальски попрѣяшнѣ и поушѣшнѣ извѣспѣе, то не премину конечно удѣлишь и Вамъ также ошѣ того кой чего, а равно и о прошивномъ шому. Ахъ, естѣлибѣ могѣ я только исполнишь то поскорѣе! Прощайте вдругорядъ еще, пожалуйста не забывайте лишъ меня.

Письмо 7ое.

Мнѣ кажется, любезный мой Маркизъ, что Вашъ Пророкъ подходитъ нѣсколько къ людямъ изящныхъ дарованій. Непремѣнно должно ему быть умной головѣ, потому что кажется онъ себя таковымъ.

„Исай, Іеремій и Аввакумъ,
У плѣннаго Жидовскаго народа,
Во вѣки не имѣли оныхъ думъ,
Которыя рождаетъ въ насъ свобода
Въ писаніяхъ казать свой умъ.„

Впрошчемъ, всякое несчастіе дѣлаетъ человѣка обыкновенно боязливымъ; а страхъ суевѣрнымъ. Меня не удивляетъ то нimalo, что люди, кои проповѣдуютъ о будущемъ безъ стыда съ полнымъ удословреніемъ, находятъ много легковѣрныхъ людей, вѣрующихъ охотно всѣмъ ихъ бреднямъ: ибо, дуракъ находитъ всегда превосходнѣе предъ собою дурака, который и ему удивляется сильно. Мнѣ бы хотѣлось, испинно, напѣшился до сыща надъ всѣми сими дурачествами; но полно смѣхъ прошелъ уже у меня во все: по елику постигли меня съ лишкомъ многія злощасїи, и оновсюду окруженъ я нынѣ чрезчуръ великими хлопотами; а сверхъ того и мало остаешься мнѣ надежды радоваться чему либо.

Между шѣмъ препровожаю я къ Вамъ при семъ небольшую Оду, копорую сдѣлалъ я единственно для моего Племянника. Наилучшее въ ней состоитъ въ томъ, что она не заключаетъ въ себѣ никакой неправды, и въ

разсужденіи того самаго лица , кое изображаетъ наспоющего оной Ироя , выражаетъ все то совершенно ясно. Не за долго предъ симъ имѣлъ я спрашную опухоль на щекѣ, которая причинила мнѣ несказанную боль. Однѣмъ словомъ, Маркизъ , всѣ вообще испязаніи Неба испыталъ я уже надъ собою ; и при всемъ томъ живу я еще , и гляжу на сей свѣтъ , который желалъ бы спокрашно видѣть для меня померкшимъ вовсе. Но полно каждому изъ смертныхъ опредѣлено свыше покоряясь своей судьбѣ. Была бы лишь только Ваша участь благополучною, и чшобъ Вы токмо не забывали никогда такого друга , который обрѣтается подлинно въ наспоющемъ чистилицѣ ; не смотря однакожъ на то всегда Васъ любилъ , и будетъ любить вѣчно ! Прощайте.

Письмо 71е.

Итакъ стихъ въ посланіи къ
Фельдмаршелу Кейту можеть быть,
по этому, поправленъ: и тогда по пе-
ремѣнишся въ немъ одна шокмо речъ.

„Идите гнусные прусы; да пожретъ васъ
вѣчный пламень, и проч: „

За симъ слѣдуетъ здѣсь опорочи-
ваемый Вами кунлетъ въ шомъ са-
момъ видѣ, какъ я его поправилъ:

„Ахъ! Естлибъ кровь сія текла, какъ въ
прежне время,

Чтобъ гордость низложитъ сихъ пагуб-
ныхъ Царей,

Сихъ лютыхъ хищниковъ, которыхъ силы
бремя

Подвергло лучшій цвѣтъ изъ вашихъ обла-
стей,

Всегдашнихъ сихъ враговъ въ свирѣпости
своей,

Свободы вашея, правъ вашихъ и Князей.

Но ваши спрашны ополченья

Отцеубійства есть снарядъ,

И ваши яростны стремленья,

Васъ кровью сродниковъ багрянтъ. „

Вотъ все шушѣ, любезный Маркизѣ,
 что могѣ лишь я сдѣлать для Васѣ.
 Теперь изгоняешѣ демонѣ военный спи-
 хошворческую сапану: несмѣнное мно-
 жество разныхѣ способовѣ и распоря-
 женій, кои начавѣ, непремѣнно и окон-
 чашѣ мнѣ должно съ успѣхомѣ, лиша-
 юшѣ меня почти вовсе время. За изда-
 ніе Вами шворенія, причиняющаго по-
 лико шума, благодарю я Васѣ покорно.
 Но новое укропишѣ, думаю я, иѣко-
 торымѣ образомѣ всѣ мяшущіеся ошѣ
 перьваго умы; вѣ прошивномѣ же по-
 му случаѣ, буду ушѣшашѣ я по мень-
 шей мѣрѣ шѣмѣ, и не повѣшусь коне-
 чно ошѣ того изѣ отчаянія. За симѣ
 прощайте, мой Милый; я обѣмлю
 Васѣ заочно.

Письмо 72е.

„Маркизъ! Изданіе пшое, сказашъ безъ
лести,

Ничемъ не славнѣ похода моего;
Германіи не дѣлаемъ мы оба чести,
Бесплодностью спаранья своего.
Начнемъ же дѣйствія негромки
Свои, мы снова поправляшь,
Дабы позднѣйшіе попомки
Могли спасибо намъ сказать. „

Итакъ, я уже опвѣчалъ Вамъ на
все; да еще и того болѣе, я попра-
вилъ даже все вышедшее изъ печати,
сличилъ все то съ подлинникомъ, и
возвращаю оное паки къ Вамъ обратно.
Теперь надѣюсь я паче прежняго,
что Австрійсцы пойдутъ назадъ въ
Богемію, и что мы можемъ наконецъ
въ нѣсколько лишь дней совсемъ окон-
чать наинедѣстнѣйшій и наижесто-
чайшій походъ, который свершилъ я
въ моей жизни. Племянникъ мой при-
ближается сюда съ великою силою; а
непріятель дѣлаетъ между шѣмъ у
себя разныя прѣугошвленія, кои обна-

руживающѣ довольно скорое онаго возвращеніе. О жестокомъ впрощемъ мученіи, которое принужденъ я былъ перпѣть ровно цѣлый мѣсяцъ, и о всѣхъ вообще безпокойствіяхъ, сопряженныхъ съ симъ ужаснымъ положеніемъ, не говорю я ниже единого слова. Я уже такъ успалъ сѣшовать на шаштѣе, что отъ скуки уступаю ему охотно всю мою въ томъ жалобу. Постарайтесь, пожалуйста, между тѣмъ, любезный Другъ, промыслишь мнѣ гдѣ ни есть энциклопедическій словарь; мнѣ хочется, право, усердно имѣть его у себя на зиму. Я же съ моей стороны никакъ не скажу Вамъ теперь того, что во время сей самой зимы выдѣтъ изъ меня, пошому что, по чеспи, и самъ еще того не вѣдаю. Въ заключеніе сего прощайте, любезный Маркизъ; я желаю Вамъ отъ искренняго сердца здравія, удовольствія и душевнаго спокойствія.

Письмо 73е.

Весьма смѣшно кажется Вамъ, думаю, то, любезный Маркизъ, что я столько давно уже все сулю увѣдомить Васъ кой о какихъ новостяхъ; но и понынѣ еще молчу о томъ вовсе. Причиною тому, право, не я; по тому что оное зависитъ болѣе отъ случаевъ, коихъ ожидать всегда должно, и отъ курьерской гоньбы, копорая непосредственно зависитъ отъ сихъ людей. Инакъ, не могу я теперь ничего сказать Вамъ ни о министерскихъ ни о военныхъ дѣлахъ, окромѣ только того, что фельдмаршалъ Даунъ выступилъ со всемъ своимъ многочисленнымъ войскомъ въ лагерь; и что я все еще обрѣщаюсь въ шѣсныхъ предѣлахъ моихъ походныхъ квартиръ, будучи во всякой припомѣ готовности. Между шѣмъ получилъ я изъ Саксоніи нѣкопорыя хорошія извѣстіи; онѣ для меня весьма пріятны, а еще бы были онѣ пріятнѣе мнѣ, когдабъ всѣ оныхъ слу-

чаи были порѣшительнѣе нѣсколько; намъ поспребно, по истиннѣ, величайшее щасіе, чтобъ доставить себѣ какія либо преимущества надъ нашими непріятелями: я прошу, правда, о томъ Небо но по елику нѣтъ у меня вовсе никакого изъ подобныхъ Святымъ угодникамъ, какъ то на примѣръ Симеону Спудлишу, или Святому Антонію, или Праведному Іоанну Хрвсостому, ниже какому ни есть изъ Чудотворцевъ, то сомнѣваюсь я крайнѣ, чтобъ услышало Небо моливу бѣднаго, маловѣрующаго, а еще менѣе того просвѣщеннаго иворенія міра сего. Сколь же скоро напрошивъ того буду лишъ я въ силахъ увѣдомишь Васъ о чемъ либо радостномъ, то повѣрьте мнѣ, что Вы изъ всѣхъ описуемыхъ ошсель перьвый о томъ узнаете.

Впрочемъ, время мое препровождаю я нынѣ, любезный Маркизь, со Святейшими Папами *Николаемъ* и *Адрианомъ*, съ Императоромъ *Людвигомъ* и Королемъ *Лотаріемъ*, и наконецъ съ

препочтенными Господами *Тейтбергшею* и *Валлардишею*. Я остановился лишь теперь только при восполнѣдованіи знаменитаго на Востокѣ раскола, и начинаю уже охотно вѣрить тому, что весь свѣтъ, начиная отъ временъ *Константина* до самаго даже *Лютера* былъ во всемъ немощенъ крайнѣ: всѣ ссорились и бранились между собою, опровергая взаимно другъ друга о сучныхъ и нелѣпыхъ бредняхъ; а церковь утвердила между шѣмъ всю земную власть съ помощію легковѣрія и глупости Государей и народовъ. Есплижъ разсматривать подробно все послѣдствіе повѣствованія о Христіанскомъ благочестіи съ сей самой стороны, то откроетъ оно непременно глазамъ Философа пространнѣйшую картину, и послужитъ дѣйствительно поучительнымъ рѣшеніемъ для всякаго глубокомысленнаго мужа и для всякаго наблюдателя человѣческаго ума. Почтенный отецъ Игуменъ *Флери* сдѣлалъ подлинно произведеніемъ сего самаго шворенія всему человѣческому

разуму немалую услугу. Да и Вы на-
мѣрены, какъ кажется миѢ, любезный
Маркизъ, также писать спрашную
книгу; но есшлы вправду помышляете
Вы собрать въ одно мѣсто всѢ во-
обще опроверженіи и безумства Го-
сподѢ БогослововѢ, то навлекете Вы
безѢ сомнѣнія шѢмѢ себѢ на шею не-
обычайное бремя, думаю.

Я почишаю ВасѢ по ВашимѢ сло-
вамѢ слово слово такимѢ же искус-
нымѢ ГрекомѢ, каковымѢ былѢ нѢко-
гда и ДемосѡенѢ; а для того, копо-
рый едва лишѢ по Гречески чишаѢ
умѢелѢ, кажешесѢ вы и подавно пре-
восходнѣйшимѢ изѢ сего народа му-
жемѢ: кпомужѢ, можно было заклю-
чить все лю легко и за ужиномѢ, во
время коего изволили Вы большую
часть Вашего разговора съ ГерцогомѢ
НивернскимѢ продолжашѢ на Грече-
скомѢ языкѢ, и когда я пребывалѢ на-
рочито съ шѢмѢ для себя словаря,
чтобѢ съ помощію онаго возможно миѢ
было узнать хотя нѢкоторыя слова
изѢ той ученой маперіи; о коей Вы
оба разсуждали тогда.

Впрочемъ, отъ всей сей нещасливой войны не имѣлъ я, по истиннѣ сказахъ, столько выгодъ, сколько Вы ихъ имѣете. Хотя она и сдѣлала меня настоящимъ практикованнымъ философомъ; но полно я позабылъ вмѣстѣ того и послѣднее все, что ни зналъ токмо, и не научился болѣе ни чему иному, какъ только сносишь терпѣливо всѣ тѣ мученія, коихъ не въ силахъ я былъ избѣгнуть. Между тѣмъ однакожъ прощайте, божественный Маркизъ. Поберегитесь, пожалуйста, а *Алабертовы* новыя творенія, копорыя дѣйствительно одного вѣса съ нашею нынѣшнею монетою. Сверхъ же сего прошу я Васъ всячески блюсти Ваше здравіе, а паче надпамятовать о Вашихъ друзьяхъ, надъ коими нѣкая вражья сила тѣшитъ на семъ свѣтѣ по своей волѣ.

Письмо 74е.

У меня есть небольшая до Васъ прозъбица, любезный мой Маркизь. Вамъ не безъизвѣстно, думаю, что *Готсковскій* имѣетъ еще у себя нѣкопорыя изъ шѣхъ прекрасныхъ живописныхъ картинъ, кои назначилъ онъ для меня единственно: чего ради прошу Васъ покорно испытать все оныхъ достоинство, а припомъ и опобранъ онъ него о томъ обстоятельное свѣденіе, получить ли онъ подлинно *Корреджія*, коего посулилъ онъ мнѣ. Одно лишъ глупое любопытство принуждаетъ меня обезпокоивать Васъ теперъ симъ. Между шѣмъ, все еще не знаю я того, что изъ меня выйдетъ, а шѣмъ менѣе, каковъ будетъ конецъ нынѣшняго похода, который кажется для меня чрезчуръ опважнымъ; не смотря однакожъ на то, пекусъ еще я безразсудный о картинахъ, толь мало-важной вещи. Вотъ каковы нынѣ люди! Временемъ кажутся онѣ съ лишкомъ умными; а иногда уже сущими

дураками. И такъ Вамъ однимъ лишъ, яко испининому во всемъ пошашчику, слѣдуетъ возъимѣть снисхожденіе ко всѣмъ моимъ слабостямъ и недоспашкамъ. Содержаніе Вашихъ писемъ можетъ утѣшить меня по меньшей мѣрѣ и въ силахъ занять на нѣсколько минутъ всѣ мои мысли о Сан - суси и о моей галлерѣе. Я признаюсь Вамъ, что всѣ таковыя мысли несравненно пріятнѣе для меня въ самой вещи, нежели всѣ помышленія о кровопролитіи, и убивствахъ и вообще о всякаго рода злощастіяхъ, изъ коихъ о каждомъ порознь надобно воображать впередъ, и отъ которыхъ бы самый *Геркулесъ* вострепеталъ даже, чаю. Но скоро уже ударитъ *Рабелесова* четверть часа, и тогда что не будетъ никакихъ другихъ рѣчей болѣе, какъ только чтобы ломать намъ другъ у друга шеи, и бѣгать высуня языкъ съ одного конца Германіи на другой, такъ какъ настоящимъ дуракамъ, дабы лишъ встрѣпить гдѣ ни есть новыя какія либо бѣдственныя чудеса.

Я написалъ между прочимъ небольшую пѣсу, которая выходитъ уже въ Берлинѣ изъ печати: она содержитъ въ себѣ описаніе путешествія одного Китайскаго Посла къ его Государю. Все намѣреніе въ изданіи самаго сего творенія состоитъ лишь въ томъ токмо, чтобъ обличить тѣмъ Пану, который осбняетъ крестомъ мечь моихъ непріятелей, и разрѣшаетъ пагубнымъ чернецамъ безопасное убѣжище. Сочиненіе сіе утѣшитъ Васъ непремѣнно, думаю я. Одинъ только я изъ всѣхъ попысился воздвигнуть мой гласъ, и дать услышать всѣмъ вопль посрамленнаго разума противъ гнуснаго поступка сего идольскаго Жреца. Твореніе оное ни велико, ни скучно, и я увѣренъ въ томъ, что Вы будете ему много смѣяться. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ нѣтъ вовсе другаго средства проучивать своихъ злодѣевъ, какъ только подвергать ихъ всеобщему поруганію: но удастся ли мнѣ это, можете Вы опгадать то сами. Между тѣмъ прощайте, любезный Маркизъ. Ваши

письма составляютъ для меня совершенную утѣху, такъ какъ нѣкогда Или явленіе воронѣ, кои приносили ему въ пустыню пищу; или, что производитъ всякой ручей для оленя, исправающаго отъ жажды; или, какъ взоръ Анхизовъ Энею, когда онъ увидѣлъ своего отца въ преисподней. Итакъ, не лишите меня, пожалуйста единой сей утѣхи во время всей моей продолжительной скуки, и будьте совершенно увѣрены въ той самой дружбѣ, которую сохраняю я на всегда къ особѣ Вашей.

Письмо 75е.

Вчера писалъ было я къ Вамъ, чтобъ Вы пожаловали сюда; но севодни запрещаю я Вамъ то. Даунъ уже въ Котбусѣ; онъ идетъ теперь въ Любекъ, а отсюда въ Берлинъ: чего ради старайтесь лучше убѣгать вся-

чески сихъ бѣдственныхъ странъ. Самое сіе извѣстіе принуждаетъ меня покуситься еще разъ напасть на Россіянъ между здѣшнимъ мѣстомъ и Франкфуртомъ. Вы можете изъ того судить, сколь опчаянно все сіе предпріятіе; но мнѣ не остается уже болѣе другого средства, чѣмъ не быть съ которой либо стороны совѣмъ отрѣзану отъ Берлина. Къ лучшему же успѣху всего моего намѣренія, вѣлю я сему робкому войску дать напередъ вина, и попытаюсь тѣмъ самымъ внушить въ него болѣе бодрости и охоты къ дракѣ; при всемъ томъ однакожъ не смѣю я еще ничего обѣщать себѣ отъ того. Вся моя надежда сооружается лишь на томъ шокмо, что я умру со шпагою въ рукѣ. Итакъ прощай, Возлюбленный мой. Я совѣтую Вамъ паки убраться въ удобное мѣсто, и ожидать тамъ всему окончанія, дабы въ случаѣ какого нещастія можно было Вамъ тѣмъ свободнѣе пещись о будущей Вашей безопасности. За благосклонность же

Вашу, которою изволише Вы меня удостоивать, благодарю я Васъ покорнѣйше. Положитесь, пожалуйста, въ помѣ на меня, что я того не забуду до послѣдняго даже моего издыханія.

Письмо сіе писано 12 го Августа 1760 го года, предъ несчастною баталіею подъ Франкфуртомъ.

Письмо 76е.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ запамятовалъ я, Любезный Маркизъ, просить Васъ о томъ, чтобъ Вы отдали моему брату *Фердинанду* и Генералу *Зейдлицу*, который раненъ, и лечится нынѣ въ Берлинѣ, каждому по одной книгѣ моего *Карла XII* го. Сіе самое доказываетъ нѣкій знакъ моего о нихъ воспоминанія, который для нихъ не непріятенъ будетъ, можетъ быть. Впрочемъ, положеніе мое не перемѣняется еще нимало; и о будущемъ безпокоюсь я столько же, сколько и

прежде. Увѣдомьте, пожалуйста, между тѣмъ меня, хотя для препровожденія времени, о подлинной лжѣ Вашего прорицателя и о всѣхъ тѣхъ бредняхъ, кои доходятъ до Вашихъ опверстныхъ ушей. Ахъ! Дай Богъ, чтобъ миръ шёлъ, о которомъ говорятъ громко; началъ скорѣе преподавать намъ поосновательнѣе предъ прежнимъ надежду, и чтобъ окончились наконецъ всѣ наши мученія и бѣдствія продолжительнымъ и выгоднымъ союзомъ. Итакъ прощай, любезный Маркизъ; я лобызаю Васъ отъ восхищенія за душевное Ваше спокойствіе.

Письмо 77е.

Изъ рѣшительнаго приговора, Маркизъ, чинимаго Вами въ разсужденіи моихъ писемъ, познаю я довольно все Ваше къ онымъ приспращіе. Письма мои годятся лишь для нынѣшняго

время, и уподобляются однѣмъ токмо
 часовымъ твореніямъ, производимымъ
 для опредѣленной поры, коихъ все
 бытіе не продолжается далѣе сутокъ
 со времени ихъ начала. Всю же участь
 разнаго спихопворсшва предоставляю
 я уже на произволь печатальщика. Но
 есншли послѣдуетъ миръ, паче чаянія,
 то даю Вамъ въ томъ мое слово, что
 я несравненно съ большимъ усердіемъ
 о томъ мыслить начну. Я прочелъ
 впрочемъ все описаніе о болѣзни и
 смерти отца *Бертіера*; книжка сія ка-
 жется мнѣ весьма забавна: Господа
 Езуиты описаны въ оной, право, не
 дурно. Но сравните, пожалуйста, сіе
 сочиненіе съ нѣкоторымъ письмомъ
 къ отцу *Турмениму*; коликаго пропи-
 ворѣчія не найдете Вы припомъ во
 мнѣніяхъ. Одно изъ нихъ соснавляетъ
 совершенно похвальную рѣчь, а другое
 сущую сатиру на все сіе общество.
 И такъ, превосходнымъ писателямъ же-
 лалъ бы я, по истиннѣ, поосирѣ-
 имѣшь память, дабы могли они памя-
 товать о томъ во всякое время, что

уже обнародовали они нѣкогда. Спичо-
пворцы же напротивъ того, право,
несполь рачительны въ томъ: ибо,
самое слабое дуновеніе въпра под-
нимаешъ все ихъ пвореніе на воздухъ.
а нерѣдко и самые оныхъ мысли купно.

Между тѣмъ всѣ нынѣшніе мир-
ные переговоры подобны совершенно
вожженному огню, копорый временемъ
кажется совсемъ уже ушухшимъ, а
иногда вновь паки воспламеняющимся.
Ишакъ, надобно только ждашь и при-
мѣчанъ, что наослѣдокъ изъ всего
того выдешь. Любомудріе же и самые
опышны укропили уже дѣйствительно
всю мою природную живость, и на-
учили меня довольно ожидашь терпе-
ливо всему окончанія. Здѣсь, въ той
спранѣ, гдѣ обрѣтаюсь я, нѣмнѣ во-
все гридированныхъ картинъ; слѣдо-
вательно, въ замѣнѣ Вашимъ, что
оспаешся мнѣ иное представивъ; кро-
мѣ одной лишъ шелковой матеріи и
кромѣ желѣзныхъ опилокъ, получае-
мыхъ здѣсь изъ рудокопныхъ заво-
довъ: таково заклада, копорый досто-

инѣ, право, самого *Фарасмана*. Вотѣ все пишу, что пишу въ силахъ я сдѣлать для Васѣ. Между прочимъ скажите, пожалуйста, *Готсковскому*, чтобъ онѣ прислалъ ко мнѣ обстоятельную опись всѣмъ его картинамъ; сѣе самое послуживъ мнѣ настоящимъ проведеніемъ времени во всѣхъ припадкахъ горячки, которая безъ сомнѣнія скоро уже постигнетъ насѣ.

Севодни не ожидайте Вы отъ меня болѣе никакихъ стиховъ; потому что скопляю я для Васѣ ихъ цѣлую кучу до будущей оказіи. По истиннѣ, *Маркизъ*, стихотворческій духъ есть нѣчто страшное: онѣ повергаетъ меня во всѣ вообще положенія, въ коихъ ни бываю пишу я; всегда и вездѣ обуяетъ меня онѣй. Ишакъ, буде есть у Васѣ что изъ Вашихъ знакомыхъ преданный анатомѣ, то прошу покорно прислать его ко мнѣ, для избавленія меня отъ сего зловсѣаго духа. А за тѣмъ прощайте, любезный *Маркизъ*, Васѣ и себя пишу же купно препоручаю я нынѣ покровительству Ея праведному Ве-

личеству, Госпожи случайности, и прошу ее убѣдительною образомъ, дабы она благоволила предославить Вамъ благополучную, спокойную и здравую жизнь; а менябъ допустила увидѣть Васъ такимъ паки, когда будетъ угодно ей возвратить меня по прежнему къ моему спяду въ Сан-суси.

Конецъ

Писемъ къ Маркизу д'Аржану.

РАЗНЫЯ ПИСЬМА.

1.

Къ Господину Фонтенелля.

Государь мой. Взоры мужа Вашихъ достоинствъ проникають повсюду. Они подобны солнечнымъ лучамъ, производимъ дневной свѣтъ сквозьгустую облачную, и единственно скромность Ваша дѣлаетъ Васъ такъ заслѣпчивымъ. Но когдабъ Вы и захопѣли оказать себѣ не-

справедливость, то не дѣлайте сего по крайней мѣрѣ въ разсужденіи другихъ. Будьте увѣрены, Государь мой, что одно слово Ваше лестнѣе для меня поздравленій тысячи другихъ людей, и по щеславію ли моему, или надѣясь на искренность словъ Вашихъ, признаюсь, что Ваше поздравленіе съ новымъ годомъ, принесло мнѣ болѣе удовольствія, нежели всѣхъ прочихъ. Весьма прошу Васъ, не ограничивать себя одними комплименами, и никакъ не скупиться на письмо. Я такъ предубѣжденъ, что два слова отъ Васъ болѣе настаивающъ меня въ предмѣтахъ любомудрія, нежели чтеніе огромныхъ книжищъ.

И такъ прошу располагать по сему моему мнѣнію и не жалѣйте бумаги. Вы мнѣ нѣсколько обязаны за почтеніе какое я къ Вамъ имѣю, или лучше сказать Вы обязаны шѣмъ самому себѣ. На конецъ мнѣ кажется, что если почтеніе чужестраннаго чело-вѣка для Васъ не маловажно, то оное и сохраните доставленіемъ новыхъ

побуждений къ умноженію онаго. Съ совершеннѣйшимъ уваженіемъ пребываю Вашъ преданнѣйшій другъ.

29 Генваря 1731 года.

2.

Къ Господину Роллену.

Государь мой. Древнею Исторіею , которую Вы писали, приобрѣли Вы до такой степени мою довѣренность , что я увѣренъ о изящности всего того, что отъ Вашего пера произойдетъ. Ожидаю новыхъ Вашихъ сочиненій со всею нетерпѣливостію жаждущаго хорошаго чтенія читателя. Будучи не въ состояніи придать имъ новую важность своимъ одобреніемъ , могу я только чувствовать красоту оныхъ и удивляться. Особливо благодарю Васъ за удовольствіе, доставляемое мнѣ трудами Вашими , и за обѣщаніе прислать мнѣ

И

выя Ваши сочиненія. Желаю отъ
 всего сердца, чтобъ нишъ жизни Ту-
 цидида нашего сполѣпїя, также про-
 должена была, какъ и Царя Езекии.
 Можетъ бышъ желаніе сіе покажется
 Вамъ корысполюбивымъ, въ разсужде-
 нїи того участія, какое я беру въ бу-
 дущихъ Вашихъ творенїяхъ; но мо-
 гу Васъ увѣритъ, что мое къ Вамъ
 почтеніе не менѣе шупъ дѣйствуетъ.
 Мудрые дѣписатели споль же рѣдки
 какъ и Фениксъ, и я не могу ничего
 больше пожелаъ великимъ мужамъ
 сего сполѣпїя, какъ только, чтобъ
 въ будущія времена были Роллены для
 писанія ихъ испорїи. Желательно,
 чтобъ вы еще долго наслаждались по-
 чпенїемъ Вашихъ современниковъ, и
 миѣ еще чаще доставляли удоволь-
 ствіе Васъ благодаритъ и хвалитъ
 Ваши сочиненія. Я почиаю Васъ уче-
 ныхъ мужами, служащими Фаросомъ
 человѣческому роду, звѣздами, просвѣ-
 щающими намъ путь ко всѣмъ нау-
 камъ, человѣками, кои за насъ размы-
 шляющъ въ то время, когда мы за

нихъ дѣлаемъ. Судите теперь, государь мой, оспсуплю ли я когда опъшого истиннаго почшенія, съ копорымъ пребываю.

11 Сентября 1738 года.

3.

Государь мой, я удивляюсь той чрезвычайной скорости, съ копорою Вы шрудитесь надъ Римскою Исторіею въ такихъ лѣшахъ, когда обыкновенное печеніе природы едва позволяешъ намъ жить. Вы насавляете насъ еще и тогда, когда кажется что одною ногою спупаете въ вѣчность. По справедливости засавляете Вы меня вѣришь всему тому, что древность баснословила о согласномъ пѣнїи лѣбедей, не за долго передъ ихъ смерпью. Римская Исторія господина Роллена пребудешъ для меня всегда чуднѣйшимъ явленіемъ, нежели все повѣсвуемое въ басняхъ. Множесство

лѣтъ и бремя старости не уменьшатъ живоспи Вашего слога и изящества Вашихъ сочиненій. Они подобны пѣмъ рѣкамъ, кои быспрѣ текутъ, чѣмъ болѣе удаляющся отъ своего источника.

Съ удивленіемъ взираю я на успѣхи молодого Гесклина. Не знаю, родспвенникъ ли онъ тому славному Гесклину, коего имя до тѣхъ поръ пребудетъ незабвенно, пока свѣтъ сохранитъ помятіе о чеспности и храброспи. Можетъ быть что сей молодой чловѣкъ, со временемъ спокыко же чеспи принесетъ ученоспи сколько родспвенникъ его военному искусству. Не одинъ путь къ славѣ. Путь героя блистателенъ, но обагренъ чловѣческою кровію. Путь ученаго не столь уже леспенъ, но онъ такъ же надежно ведетъ къ безспертію, и гораздо пріятнѣе наспавляетъ родъ чловѣческой, нежели бытъ орудіемъ къ его погибели.

Не удивительно, что Вы, наспавлявъ меня столь долгое время, береще учаспіе въ моей судьбѣ и въ мо-

емъ удовольствіи. Сего долженъ я былъ ожидать отъ Вашего разположенія. Однакожъ я не мѣнѣе за то обязанъ и не охотно скрываю то въ себѣ, что болѣе бы Васъ въ томъ увѣрило, утверждая, что съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю

4.

Къ господину Кондорцету.

Вы только одни, государь мой, можете имѣть справедливое приязнаніе на мои письма къ господину Аламбершу. Но онѣ писаны не для изданія въ свѣтъ. Будучи не иное что, какъ одно пуспословіе, столь же мало могушъ онѣ наставляшъ какъ и увеселишъ. Почему весьма буду Вамъ обязанъ, если Вы приложите всевозможное стараніе къ возпрепятствованію печатанія оныхъ. Для сего отдайте только сію переписку себѣ въ сохраненіе; ибо она не можешъ достаться въ лучшія ру-

ки. Я приказалъ заплашнть въ Парижѣ за проѣздѣ господина Левека. Если онѣ былѣ здоровѣ во время пребыванія своего въ Петербургѣ, гдѣ, какѣ слышно, нѣсколько лѣтъ онѣ прожилѣ, то шѣмѣ менѣе найдетѣ онѣ разности въ климатѣ и нравахѣ сея земли, чѣмѣ ближе будетѣ подѣѣзжашѣ къ своему отечеству, въ прочемѣ.

5.

Я получилѣ медаль на господина Аламберша ; которую Вы по милоспи своей ко мнѣ прислали. Весьмабѣ я желалѣ, чтобѣ парикѣ оставили на немѣ, такѣ, какѣ онѣ обыкновенно его нашивалѣ. Ибо ничто не придаетѣ столько сходства, какѣ изображеніе особѣ въ томѣ одѣянтіи, въ какомѣ мы привыкли ихѣ видѣть. Весьма странно, что господинѣ де Сеишѣ Ренни назначилѣ награжденіе за медали философовѣ, и что многіе ученые мужи, кои обязаны господину Аламбершу, уволили себя отѣ сочине-

нія ему похвальнаго слова. И такъ благодарность всего рѣжѣ на свѣшѣ. Однакожъ господинъ Аламбертъ не много при семъ терпитъ, и лучше со всемъ не быть хвалиму, нежели быть хвалиму да худо. Ведро учености мinovало, мѣста пусты, и весьма мало искашелей достойныхъ занимають оныя. Вы, пипомецъ того великаго мужа, о коемъ мы сожалѣемъ, Вы только одни можете быть его преемникомъ, впрочемъ.

6.

Весьма обязанъ я за труды Ваши, въ приисканіи учителей, нужныхъ для нашей Академіи. Очень понимаю, что столько же потребно времени на выборъ человека, какъ и на склоненіе его принять предлагаемое мѣсто. Не сомнѣваюсь, чтобъ Вамъ не пощаслилось достать мнѣ искусныхъ людей. Да уже за то и благодарность моя будетъ велика.

Теперь пришла мнѣ на умъ статья о законахъ, господиномъ Веккаріемъ такъ хорошо изъясненныхъ, и о которыхъ и Вы также писали. Я со всемъ держусь Вашего мнѣнія, что судьи не должны спѣшить своими опредѣленіями, и что лучше сохранить виноватаго, нежели погубить невиннаго. Однакожъ по мнѣнію моему примѣшилъ я изъ опыта, что не должно упускать того повода, коимъ обыкновенно водятъ людей, то есть награжденій и наказаній. И бывающъ случаи, гдѣ важность преступленія должно наказывать весьма строго. Убійцы и зажигатели на примѣръ достойны смертной казни, поелику они присвоили себѣ мучительскую власть надъ жизнію и спяжаніемъ челоуѣка. Правда, я признаюсь, что вѣчное заключеніе въ темницу гораздо жесточайшее наказаніе нежели смерть, но оно не такъ поразительно, какъ сіе, исполняемое предъ глазами людей. Ибо такія позорища дѣлающъ болѣе впечатлѣнія, нежели временныя поученія,

производящія на память темничное наказаніе. Я употребилъ все, что отъ меня зависѣло, къ исправленію въ сей землѣ правосудія, и къ испребленію злоупотребленій въ судебныхъ мѣстахъ гнѣздящихся. Одни только Ангелы могли здѣсь совершенно достигнуть своего намѣренія, естлибъ только захотѣли заняться симъ дѣломъ. Но какъ я съ ними не имѣю никакой связи, то и нахожу себя принужденнымъ, употреблять себѣ подобныхъ, кои еще весьма далеки отъ совершенства. Впрочемъ

Потсдамъ 24 Октября 1785 года.

7.

Я весьма обязанъ Вамъ за то, что Вы хотите стараться о непечатаіиіи моей переписки съ господиномъ Аламбертомъ. Мои письма заслуживаютъ только чтобъ принести оныя въ жертву Вулкану; ибо они публикѣ ни пріятны ни полезны. А сверхъ того въ нынѣшнее столѣтіе, которое обиль-

нѣе худыми нежели хорошими писаніями, и такъ уже слишкомъ много чего чипашъ, что я не имѣю нужды присоединить къ тому и мои.

Вы оказали мнѣ истинную услугу, доставленіемъ для военной Академіи Пуристпа и другаго Профессора. Молодые люди неперпѣливо ожидаютъ ихъ приѣзду, поелику по сіе время нерачено было о ихъ образованіи. Впрочемъ.

Потсдамъ 6 февраля 1786 года.

8.

Къ Гослодину Гримму.

Письмо Ваше отъ 5 февраля получилъ я прешьяго дня. Благодарю Васъ за учасшіе, которое Вы принимаете во всемъ томъ, что касается до меня и моихъ соимянниковъ. Моя святая не похвалишь, что Вы употребили оспроумное можетъ быть примѣчаніе Ж: Жака о Парижскомъ Оркестрѣ. Но какъ бы то ни было, надо-

бно будетъ просить Патеровъ. Весьма любопытно и лесно для меня то мѣсто, гдѣ Вы увѣдомляете, что разговаривали обо мнѣ съ Ея Величествомъ Императрицею. Ни что не можетъ быть для меня восхищительнѣе, какъ воспоминаніе сея Великія Государыни, къ которой я имѣю безпредѣльное почитаніе. Я и прежде сего разговаривалъ съ Вами о Ея дарованіяхъ, о глубокомъ проицаніи, величїи души, и той отличной благосклонности, съ которою она принимаетъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастье у нее быть. Вамъ было довольно времени сіе напомнить, и усмотрѣть истинну всего сказаннаго мною. По чему весьма понимаю теперешнюю скорбь Вашу, и что Вы нигдѣ не найдете того, чтобъ могло замѣнить все видѣнное Вами. Съ удовольствіемъ увижусь я съ Вами въ проѣздѣ и услышу о предметѣ, которой имѣетъ право, столько быть мнѣ привлекательнымъ. Пребываю.

Потсдамъ 25 Февраля 1774 года.

Легко можете Вы повѣрить, что смерть господина Аламберта сдѣлала во мнѣ глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что я почиталъ его больнымъ хроническою болѣзнію, которая не угрожала прямо смертію. Сумнѣваюсь, чтобъ Франція скоро получила замѣну въ семъ уронѣ. Если болѣзнь ослабила духъ его въ послѣднее время, то это не чудно, по елику смерть, объявѣ всѣ членостроительныя часпи нашего тѣла, необходимо должна лишать ихъ дѣятельности своимъ разрушеніемъ. Однакожъ я обязанъ Вамъ за сообщеніе и печальныя сея вѣсти. При семъ случаѣ сказалъ я самъ себѣ: должно умереть, или другихъ видѣть умирающими, нѣтъ пути середины; Впрочемъ.

Потсдамъ 11 Ноября 1783 года.

Весьма обязанъ я Вамъ за трудъ, которой Вы приняли на себя, дабы возпренятиспировать печатанію переписки моей съ господиномъ Аламбершомъ. Я желалъ сего по многимъ причинамъ: ибо во первыхъ она того не стоила, а при томъ слава господина Аламберта столь твердо уже основана, что не нужно ей ни моего подтвержденія ни похвалы. Однакожъ признаюсь Вамъ, что весьма горестно смотрѣшь, какъ всѣ тѣ люди, коихъ весьма почишаешь, одинъ за другимъ умирають, а тѣмъ еще горестнѣе, что не ошъ меня зависить умереть или видѣть другихъ умирающими. Все сѣе есть только игра среднихъ причинъ, кои различными своими сдѣвленіями производятъ всѣ ужасныя произшествія. Ешо правда, что я приказалъ воздвигнуть памятники Алгаротши и д' Аржану. Я ихъ очень любилъ, и они долго у меня жили. Еще не соорудилъ я одной гробницы, которую предпо-

ложилъ имѣшь въ Пруссіи въ честь Копернику. — Если Французская ученость издастъ что нибудь достойное примѣчанія, то весьма меня обяжете, сообщеніемъ онаго, исключая писателей нижняго разбору, съ коими я не охотно связываюсь. Впрочемъ

Потсдамъ 16 Декабря 1763 года.

II.

За присланную мнѣ отъ Васъ медаль господина д'Аламберна чрезвычайно я Вамъ обязанъ, только желалъ бы я чтобъ она была по сходнѣ. Однакожъ черезъ двадцать лѣтъ, кои я его не видалъ, могъ онъ очень и перемѣниться. Я ни слова не слыхалъ о томъ Артиллерійскомъ офицерѣ, о коемъ Вы мнѣ напоминаете, но ещо не чудно, что столь просвѣщенной народъ, каковъ Французскій, прилагаетъ стараніе, о просвѣщеніи варварскихъ народовъ, и о сообщеніи имъ хотя нѣсколько изъ неизмѣнимаго своего за-

паса познаній. Я думаю что Турки дивяшся своему въ артиллеріи законодапелю, и сумнѣваюсь, чпобѣ они упошребили противъ его силу. Впрочемъ

Потсдамъ 9 Августа 1785 года.

12.

Чувствительно благодарю Васъ, за пересланное Вами ко мнѣ письмо господина Кондерцеша. Вашъ отвѣтъ на оное: которой прошу здѣлашь милость къ нему доставить. Не очень могъ я пользоваться бытію здѣсь нѣкоторыхъ Французовъ, и между прочими господина де ла Фаша. Ибо цѣлыя чешыре недѣли препроводилъ я въ бесѣдѣ съ подагрою, и уже конечно не такъ приятно, какъ бы могъ препроводить сіе время съ сими господами. Поздравляю господина де ла Грималѣра съ умноженіемъ войскъ, Россійскія Императрицы. Ибо необходимое слѣдствіе сея перемѣны будетъ то, что Васъ пожелуютъ чиномъ. И въ

войну съ Портою , къ которой при-
угопоявляющся , можеть бысть и Вамъ
предоспавлено , взять Константино-
поль , предводителствуя побѣдоно-
снымъ воинствомъ. Тогда буду я зри-
телемъ сихъ Великихъ геройскихъ
подвиговъ , и хощя слабость старости
и налагаетъ на меня оковы , однакожъ
думаю еще воспѣть сїи чудеса нашего
времени , и имя Ваше поставитъ ме-
жду именами Цесаря и Александра ,
имя же Самодержицы Всероссійской ме-
жду именами Юпитера и Нептуна.
Пребываю впрочемъ

Потсдамъ , 24 Октября 1785 года.

Конецъ десятиа часа.

4p.

